Самиздат

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В тексте присутствуют: одна неадекватная героиня; один самец молодой — хамоватый; второй самец зрелый — но, к сожалению, женатый; одна поездка в Европу; одно похищение; много юмора и фольклора, помешанного на авторскую фантазию и абсолютную безответственность в вопросах достоверности сведений по ирландской мифологии. Зато здесь будет весело- это я вам обещаю! Естественно, «весело» — до поры до времени… Бу-га-га!

- Анастасия Медведева
  - Часть 1. Девушка в отражении
  - Часть 2. Крик банши
  - Часть 3. Тот, кто идёт следом

Анастасия Медведева
БАНШИ

Часть 1. Девушка в отражении

— Мне кажется, или твои волосы стали светлее?

Вопрос Катрин застал меня врасплох. Возможно, для кого-то это была простая бытовая ситуация. Но не для меня.

МОИ ВОЛОСЫ СТАЛИ СВЕТЛЕЕ?!

— И кожа бледнее, — словно издеваясь, продолжила подруга.

Я сосчитала до трёх и медленно выдохнула.

— Вчера я нашла в нашем геологическом древе альбиносов, — с видом человека, не находящим сей факт странным, сказала я.

— Альбиносы? — нахмурилась Катя, она же Катрин — когда сильно меня бесила, — Это такие жуткие типы с белой кожей и красными глазами? Как в фильме по книге Дена Брауна?

Я закатила глаза.

— Это такие типы, у которых отсутствует меланин в крови.

— И у тебя такой был в предках?! — Катрин вытаращилась на меня, как на посланницу дьявола.

Собственно, ею самой я, по ходу дела, и являлась…

Вот только никаких альбиносов в моей родословной не было. И волосы мои светлели совсем не из-за отсутствия меланина в крови.

Они просто седели.

Чем пугали меня до жути.

— Если верить моей прапрапра-и-так-далее-бабке, — процедила я и присосалась к своей соломинке.

Пить алкогольные напитки во время обеденного перерыва, естественно запрещалось. Но вы попробуйте не выпейте, когда ваши волосы седеют.

— И это теперь навсегда или это как-то лечится? — продолжила вбивать в меня гвозди Катрин.

— Калечится, — огрызнулась я, — Кать, тебе что, больше поговорить не о чем?

— Мне нравится цвет твоих волос! — искренне возмутилась подруга.

— А… — как-то сразу сдулась я, — Тогда ладно.

— Я даже думала спросить, что это за краска, — она пропустила между своих пальцев прядь моих волос и глубоко задумалась, — Твоя затянувшаяся осенняя депрессия, наконец, прошла?

О! Хо-хо! Она только вошла во вкус… Это неделю назад я думала, что совсем излечилась и теперь всё будет нормально, но сейчас я точно уверена — со мной уже никогда ничего не будет

нормально. Не после того, что случилось…

Всё началось в тот день, когда я бездумно бродила по просторам магазинов женской одежды, по случаю распродажи ломящихся от наличествующего товара, и случайно наткнулась на неё…

Она шла прямо на меня, не останавливаясь и не сворачивая; её лицо было изможденно — под глазами залегли тёмные круги, а взгляд самих глаз пугал до жути своей безжизненностью и апатией.

Я остановилась перед ней, надеясь пропустить вперёд, но с удивлением обнаружила, что девушка тоже остановилась.

Я смотрела на неё, не понимая, как можно было запустить себя до такого состояния? — и видела в её глазах, что она с таким же интересном разглядывает меня.

Страх липкой змеёй пополз по моей спине…

Вокруг девушки стояла рама.

И одежда на ней была моя.

Матерь божья, меня что, летучие мыши покусали?!..

Естественно, я нагло вру — всё началось намного раньше. Я перестала есть. Просто в какой-то момент поняла, что подобной потребности мой организм не испытывает. Пришлось заставлять себя, затем приучать к приёму пищи хотя бы два раза в день, а затем — ставить себе будильник-напоминалку, чтобы не забывать вовремя пополнить свой бак. Потом я поняла, что не пью жидкости. Вообще. С этой бедой я тоже справилась посредством стикеров — записочек с напоминанием, функции «задача» на моём телефоне и! — бутылки воды, всегда стоящей на моём рабочем месте.

Не сказать, чтобы вся эта ситуация меня не озадачивала… я просто была напугана до смерти!

Но пока мои ноги держали меня, а тело не подавало признаков приближающейся кончины, я решила сохранять остатки оптимизма и рассчитывала списать всё на осеннюю депрессию. Вот только лучше мне не становилось — напротив, чем больше я тянула с профессиональным лечением, тем больше прогрессировала моя странная болезнь. Апатия и тоска стали постоянными спутниками моей жизни; за две недели я успела рассориться со всеми своими подругами и даже отпугнуть от себя двух потенциальных ухажёров. Мне было плохо. Физически и духовно. В тот день, когда я вернулась домой после «узнавания» своего отражения в зеркале, я несколько часов провела в постели с кружкой горячего чая и даже не заметила, как полный стакан стал абсолютно холодным. Меня морозило. Я ощутила сильную

потребность выйти туда, где так же сыро и слякотно, как на моей душе. Я выползла на улицу. Я даже не заметила, что сделала это босиком, оставив тёплые ботинки на пороге. Я шла туда, куда звала меня моя тоска, я ощущала странную сосредоточенность на цели. Я даже не удивилась, когда обнаружила себя на пожарной лестнице одного из домов. Я вполне осознавала себя, когда подлезала к окну одной из квартир, понятия не имея, как я вообще держусь на кирпичной стене. Я заглянула внутрь квартиры и увидела старика, сидящего в кресле-качалке. Он смотрел в стену немигающим взглядом и был полон той же печали, что и я. Я разделяла его грусть, я хотела ему помочь, я чувствовала, что смогу освободить его от этой муки. Я ощутила, как по моим щекам катятся слёзы; впервые за все эти дни я начинала чувствовать себя свободной от этого горя; я всхлипнула, глядя на то, как старик водит по стене невидящим взглядом и хочет уйти, освободиться от этих оков… и я закричала! Закричала так, как кричат матери, когда рожают своё дитя! Закричала так, как кричат самки, защищая своих детёнышей от хищников. Закричала так, что во всём районе затрещали стёкла. Когда воздух в лёгких закончился, я ощутила, что больше не хочу плакать. Я почувствовала внутри себя лёгкость. Я сделала своё дело.

Я спрыгнула на землю с невесть какого этажа, прошла до своего дома, открыла дверь, которую даже не заперла на ключ, когда уходила, забралась в кровать и уснула. Уснула глубоким и лечебным сном. Я сделала это. Я указала дорогу. Теперь всё будет хорошо…

На следующий день я проснулась раньше будильника, заварила себе крепкий кофе, добавила в него сливок, сахара, поняла, как соскучилась по его вкусу, выпила, оделась, накрасилась и пошла на работу… останавливая свою ногу на самом пороге.

Сахар? Сливки? Я чувствую вкус продуктов?..

Я сделала шаг назад и ещё раз посмотрела на свою квартиру. Всё здесь было как прежде — диван, кухонная стойка, телевизор, полки с книгами, шкаф в пол стены, дверь в ванную… Я опустила взгляд на пол и увидела грязные следы. Свои грязные следы — о как я была бы рада, обнаружив следы Йети! Но это была грязь от моих стоп.

Я медленно стащила с ног ботильоны и прошла внутрь квартиры. Следы от грязи шли прямёхонько к моей постели… Я откинула покрывало и чуть не застонала.

Бельё придётся менять.

Твою ж часовню! Я что, действительно вчера ходила

босиком?! По улице?!?

Я встряхнула головой и вновь присосалась к соломинке.

— Как думаешь, Кать, дьявол существует? — негромко спросила у подруги.

Катя на некоторое время замерла, а затем посмотрела на меня очень странным взглядом.

— Конечно существует, Тая, и он ждёт тебя.

Я вздрогнула и отпрянула от неё.

— Ждёт — не дождётся, — покивала Катя, а потом фыркнула, — Ты что, упилась уже?

— Это был первый коктейль, — процедила я.

— Считай, что он был первым и последним — за твоей спиной наш любимый босс.

Я замерла и медленно отставила бокал с недопитым Космополитеном на стол.

— Да вы издеваетесь, Таиссия Александровна, — мягкий бархатный голос нашего шефа не мог меня обмануть… как не могло обмануть обращение по имени отчеству…

— Ни в коем случае, Андрей Владимирович, как я могу? — изобразив на лице абсолютнейшую наивность, пропела я.

— Ко мне в кабинет, бунтующая вы моя, — ещё мягче сказал наш шеф, директор и повелитель всея туристического агентства.

А вот это уже было страшно…

Если Андрей Владимирович не в духе, он становился таким милым, что сразу же хотелось удавиться подарочным шарфиком, выдаваемом нами каждому «лучшему клиенту 2015 года». Шарфиков у нас было много. Как и клиентов, уверенных, что они были лучшими…

— Сейчас же, — голос Андрея Владимировича изменился до неузнаваемости, и теперь напоминал голос палача в средневековье.

Того самого палача, что получает удовольствие от казни.

Я едва не взлетела со своего стула, обругав себя последними словами, что осталась в здании нашего офиса — здесь была замечательная кафешка, где мы частенько сидели вместе с Катей после рабочего дня. Это было и удобно, и весьма хитроумно: на третьем и восьмом этажах располагались неплохие фирмы, где работали очень симпатичные ребята, частенько улыбавшиеся нам во время пересечений в лифте…

И как я додумалась хлебать алкоголь там, где тусуются все офисные работники?!

Я ещё раз тяжело вздохнула и поплелась к лифту.

Как только двери за нами закрылись, в воздухе повисло

напряжение. Андрей Владимирович — а в быту и вне конфликтных ситуаций просто Андрей, — был мужчиной тридцати пяти лет, высоким, поджарым, с красивым, словно высеченным из камня, лицом, голубыми глазами, золотой кожей и греками в родословной. Его обожествляла одна половина нашей турфирмы и ненавидела — вторая. Он был подобен Зевсу Громовержцу, когда наши продажи были хуже, чем у конкурирующей фирмы, и подобен легкомысленному Дионису, когда напивался со всеми во время праздников и корпоративов. О, да, он попортил не одну нашу сотрудницу… Но на меня до этого как-то и не смотрел. Словно не замечал, отдавая должное лишь моим успехам на работе.

Вот только и в лифте мы с ним до этого как-то не ездили…

Фуууух, это его туалетная вода на меня так действует или недопитый бокал алкогольного коктейля?

Андрей сощурил глаза, разглядывая меня с ног до головы придирчивым взглядом, а затем негромко выдал, упираясь спиной в стену и складывая руки на груди:

— Есть в тебе что-то от дьявола, Таиссия.

Я поморщилась от его произношения моего имени. Никогда не прощу маму за то, что она меня так назвала.

А потом поморщилась ещё больше, когда поняла, что он мне сказал.

— Даже сейчас, — голос шефа опустился сразу на пару тонов, — ты злишься, но это… завораживает.

Лифт неожиданно остановился и открыл перед нами двери, а с лица шефа тут же исчезло выражение «завороженности», зато вернулось прежнее — недовольное выражение.

— Надеюсь, ты сможешь внятно объяснить, почему пила в рабочее время? — холодно поинтересовался он, заходя в свой кабинет.

— Я не настолько пьяна, чтобы не суметь объяснить это внятно, — тут же огрызнулась я, понимая, что сама копаю себе могилу.

Работу нынче найти сложно. А я итак напортачила больше некуда — если вспомнить две недели вообще без продаж.

— Тогда я слушаю, — Андрей уселся на стол и вновь сложил руки на груди.

Это что, защитный жест такой? Или тактика психологического давления?

Что вообще означают эти сложенные руки?!

Если я скажу ему, что медленно превращаюсь в банши, он же мне не поверит? Нет, вряд ли. Скорее отправит домой, опохмеляться. Да я и сама бы себе не поверила, если б не

столкнулась через несколько дней после Того Случая с тем самым дедком… которого выносили из подъезда вперёд ногами.

Святые монахи, я ж не висела среди темного вечера на стене, как какое-то жуткое насекомое, уставившись через окно в квартиру пенсионера, скончавшегося после моего визита на следующий же день?!

Нет, Тая, это всё какое-то дурное совпадение. И волосы у тебя не становятся светлее, как у персонажей ирландской мифологии. Это просто игра света.

— Я слушаю тебя, Тая, — повысил голос Андрей, припечатывая меня совсем недружелюбным взглядом.

Стук в дверь спас меня от продолжения этой пытки, а звук открывшейся двери — от дальнейшего разговора с шефом: заходить без разрешения к нему могли только очень важные гости.

— Киан? — Андрей нахмурился и тут же встал на ноги, и протянул руку кому-то за моей спиной, — Чем обязан?

Женщина? Или мужчина? И почему шеф так всполошился?

— Тая, свободна. Но наш разговор не окончен, — Андрей выразительно посмотрел на меня, вынуждая кивнуть в ответ и подняться с места, вознося хвалу этой самой Киане, оказавшейся, мать же вашу, сексуальным ирландцем, стоящим в дверях кабинета шефа, и глядящим на меня с лёгким любопытством в глазах!

Ирландец.

Настоящий.

Высокий, темноволосый, со слегка грубоватой, но мужественной внешностью, с широкой спиной, красивыми руками и кубиками пресса под рубашкой. Как я всё это рассмотрела, глядя только на его лицо? Никак. Просто представила в воображении. В том самом, где представителем всех ирландцев был Колин Фаррелл.

Всегда мечтала увидеть ирландца воочию… Даже книжку с ирландскими именами купила, когда увлеклась одной из американских писательниц, описывающей ирландцев, как Богов на земле…

Вот откуда я поняла, что передо мной стоял представитель ирландской национальности. Его имя. Ни разу не женское. Киан…

— Кто эта нимфа? — со странным, неожиданным для уха акцентом, спросил мужчина.

— Моя работница, которая может стать бывшей, если не выпорхнет из моего кабинета в течение нескольких секунд, — вполне себе серьёзно предупредил Андрей Владимирович.

— Уже лечу, — так же серьёзно ответила я, и впрямь вылетая из кабинета, — Я оооочень люблю Ирландию, — искренне призналась напоследок этой воплотившейся мечте, галантно отошедшей с траектории моего полёта.

— Странно, начинаю узнавать нашу Таю, — отозвался Андрей Владимирович, глядя на меня с легким поощрением в глазах, — Тебе стоило прийти сюда, Киан — эта нимфа стала пугать меня потерей личности, а с твоим приходом вновь начала возрождаться.

— Никогда не понимал работников этой турфирмы — как они терпят такого шефа, как ты? — усмехнулся Киан и подмигнул мне.

Ирландец. Подмигивает мне…

— Это бремя столь же тяжело, сколь почётно, — склонив голову, пропела я и выскользнула из кабинета до того, как кто-то из нас ляпнет очередную дурость.

Это действительно странно, но стоило этому мужественному представителю прекрасного народа предстать перед моими очами, как я тут же почувствовала прилив жизненных сил, а вместе с ними — и прилив утраченного чуть ли не на месяц настроения.

Волшебный это всё-таки народ… Что бы ни говорили…

А может, мне просто тупо захотелось секса.

Подумав об этом, я даже усмехнулась, вспомнив, когда в последний раз баловала себя подобным развлечением, как вдруг испытала Это…

— Нет… нет-нет-нет, — медленно качая головой, простонала я, ощущая, как по телу неспешно растекается ТОСКА.

Не моя тоска.

Так, спокойно! Это можно преодолеть, это можно преодолеть, всего-то и нужно, что взять себя в руки и пойти работать. Да.

— Тая? Тебя уже отпустили? — Катя поймала меня в коридоре перед входом в офис, — С тобой что, подруга? Он что, тебя уволил? — всерьёз обеспокоилась она.

— Уволил? Меня? — усмехнулась я, делая вид, что всё в порядке, — Я же лучшая сотрудница!

— Ага. Была. До того, как погрузилась в свою осеннюю депрессию, — Катрин наградила меня красноречивым взглядом.

Я на секунду задумалась. А ведь и впрямь — гордиться больше нечем. Даже Косая Мэри за последние две недели продала больше туров, чем я.

Бедаааа…

— Я исправлюсь! — я подняла на подругу уверенный взгляд, — Я возьму быка за его чёртовы рога и снова займу своё

законное место лучшего продавца фирмы!

— Вам для этого обязательно брать быка за рога? — раздался из-за спины приятный голос Киана, — Это что, какой-то ритуальный обряд?

Глаза Кати расширились, словно она увидела перед собой Иисуса Христа — не меньше. Но это был не он, я точно знала… потому — медленно развернулась и встретилась глазами с обаятельным ирландцем.

— Киан, мы не договорили, — вышел в коридор Андрей Владимирович.

— Я готова взять за рога хоть чёрта лысого, лишь бы этот индивид смотрел на меня также, как на тебя, — шепнула мне на ухо Катя, после чего на лице Киана растянулась весёлая улыбка.

Ёжки-матрёшки, он же не слышал этих слов, правда?

— Это фигура речи, — заторможено ответила я, переводя взгляд с шефа на ирландца и обратно.

— Киан, — вновь начал Андрей Владимирович…

— Я сказал своё слово, Андрей, — спокойно ответил ирландец, — У тебя есть две недели, чтобы всё подготовить. Дамы, — и он раскланялся перед нами, как самый настоящий джентльмен, выводя Катрин на новый уровень восторга.

Как только его прекрасное тело скрылось за дверьми лифта, Андрей Владимирович тихо выругался себе под нос и зыркнул на нас своим коронным «брысь с моих глаз» взглядом. Или «я уничтожу всё на своём пути» взглядом?.. В общем, на нас дважды смотреть не надо — потому мы скрылись за дверьми своего офиса, сделав вид, что в коридоре нас вообще не было.

— Таиссия Александровна! — раздался громоподобный рык из коридора.

— Я за неё, — предчувствуя беду, лишь на треть показалась из дверей я.

— Ко мне. В кабинет. Быстро! — отдал резкие команды шеф.

— Но если я весь день проведу у вас в кабинете, я не смогу догнать Косую Мэри по продажам! — начала, было я…

— Немедленно! — взревел Андрей Владимирович, поражая меня и весь этаж в придачу возможностями своей гортани, — И перестань называть Машу Косой Мэри! — припечатал он, сверкая на меня очами, горящими праведным гневом.

Каюсь, неправа, но ничего не могу с собой поделать! Правда, впервые назвала её так вслух… ладно, не впервые, впервые — при нём… чёрт, пора следить за языком.

— Я жду! — скомандовал шеф, раскрывая передо мной адовы ворота в его кабинет.

Пришлось идти. А что делать? Убежать было бы странно…

— Я в чём-то опять провинилась или тема всё та же? — решила осторожно поинтересоваться я.

— Тема… другая, — сквозь зубы процедил Андрей Владимирович, вмиг теряя весь свой запал, — Я отправляю тебя в рекламный тур.

— Правда? В рекламник?! За что?! — восторженно заверещала я, — А куда? Но ведь я ничего не продала за полмесяца! Это какой-то бонус за прошлые заслуги? Но ведь сейчас свободных денег не так много! А когда? Это ведь нескоро будет, да? Мне нужно привести себя в порядок! И квартиру на кого-то оставить! Да и бумаг столько заполнить… А почему меня? Начальство не хочет, чтобы ехала Косая Мэри?..

— Бога ради, Тая, перекрой свой фонтан! — возопил Андрей Владимирович, перебивая меня и роняя лицо в ладони, — И хватит, ради Христа, называть эту бедную девушку Косой Мэри! В конце концов! Я — твой директор, чёрт бы тебя побрал!

— Э… — я скептично посмотрела на раздавленного, словно фрукт на полу, своего директора-чёрт-бы-меня-побрал, и не нашла ничего лучше, чем промолчать.

Весь этот порыв предназначался явно не мне, так что обижаться не было смысла, как и пытаться понять, почему наш всегда держащий марку шеф вдруг растерял всё своё самообладание. Нет, он частенько терял спокойствие, частенько позволял себе повышать голос, да и чего там? Пару раз даже покрыл всех нас русским отборным… но чтобы он был так раздавлен, как сейчас?..

— Я очень не люблю, когда мне ставят условия, — проговорил Андрей Владимирович, поднимая на меня очень странный, не свойственный ему взгляд, — И я ещё больше не люблю, когда условия мне ставят старые друзья.

— Киан поставил вам какое-то условие? — осторожно уточнила я.

— Нет, забудь, это тебя не касается, — он тряхнул головой, поднялся со стула и прошёлся по кабинету, а затем заговорил так, словно последних двух минут и не было вовсе: — Рекламник тебе оплатило начальство, как ты и догадалась — за прошлые заслуги. В том месяце ты была нашим лучшим продавцом, как и в предыдущем месяце, как и в пред-предыдущем… Едешь ты в Италию, и едешь через две недели — так что у тебя будет время сделать все дела и решить вопрос с квартирой. Рекламник будет длиться ровно неделю, но я даю тебе возможность задержаться в Европе…

— За свой счёт, — мгновенно даже не переспросила, а констатировала я, в уме подсчитывая, сколько потребуется денег.

— За счёт фирмы, — убил меня Андрей Владимирович.

Причём убил наповал.

За счёт фирмы?

Эмм… Я что, в сказку попала?

Так вообще разве бывает?

— Вопросы? — Андрей Владимирович уставился на меня совсем не добрым взглядом.

Нет, Тая! Держи рот на замке! Ты справишься, ты справишься, после таких предложений вопросы не задают, а мило виляют хвостиком, кося под четвероногих друзей человечества!

— Нет, — через силу и боль вытолкнула сквозь зубы я.

— Тогда иди отсюда, — сверкнув на меня своими голубыми глазищами, по-доброму посоветовал шеф.

Дверь за мной закрылась быстрее, чем он успел моргнуть.

Вот это поворот… Это со мной ли сейчас происходит? Рекламник в Италию, когда евро улетел в запредельные дали! Да ещё и остаться там разрешили! И срок не обговорили! То есть я сама условия диктовать могу!

Не, до такой низости я, конечно, не опущусь… Так, попрошу пару деньков сверху… Но — Италия!!! Мм!!!!!!!!!!! Я явно родилась под счастливой звездой!

И ведь даже про эту дурацкую тоску забыла! А где она? А нет её! Потому что — Италия!..

Эх… столкнуться бы ещё за эти две недели с обворожительным Кианом… Уж больно он хорош — когда ещё такого встретишь?

С такими позитивными и не очень глубокими мыслями я и направилась на своё рабочее место, где, к своему величайшему удовольствию, до конца вечера продала два тура и на радостях договорилась с Катей на поход в ночной клуб. Гулять — так гулять! А такую новость, как поездка в Европу, и отметить не грех!

Наше праздничное настроение решено было перенести в самый модный клуб города. А я решила не мелочиться и упиться в усмерть. Первый, второй, третий коктейль — и музыка уже казалась самой лучшей, как и люди вокруг! Жизнь удалась! И плевать на кризис, я еду в Европу!!!

— Почему ты не взяла у него номер телефона? — прокричала мне на ухо Катрин, умудрившись при этом параллельно осушить свой бокал.

— Каким образом? Нож к шее приставить? — фыркнула я, опрокидывая в себя свой, — Мы даже толком не были представлены.

— Толком не были представлены, — передразнила Катя и

закатила глаза, — Ты говоришь, как Элизабет Беннет. А так, чёрт возьми, говорили три долбанных века назад!

Она ткнула в меня указующим перстом, должно быть, желая пристыдить или привести к раскаянию — так или иначе, план был изначально провальным, поскольку сегодня я была намерена не сожалеть ни о чём! Захочет — и появится в моей жизни. На то он и ирландец!

И всё же, несмотря на свой грандиозный план, я ощутила лёгкую грусть по отсутствию личной жизни, и ещё немного — по отсутствию времени на нормальную личную жизнь. А потому не сразу заметила, куда пропала подруга. Но когда заметила…

То, что творила Катрин на танцполе, вызвало у меня широченную улыбку и желание догнаться до её кондиции. Эта воспитанная и начитанная интеллигентка всегда поражала меня своей способностью превратиться в настоящую раздолбайку — причём это не зависело от алкоголя или от какого-то внешнего воздействия. Просто внутри неё жили два совершенно противоположных человека. Она оправдывала это своим знаком зодиака, а я старалась не замечать — насколько это странно.

— Странно, что я встречаю вас именно здесь, — раздался из-за спины знакомый голос.

Я резко развернулась и уткнулась в грудь стоявшего передо мной Киана.

— Вы?! — выдохнула я, глядя на него со священным трепетом, — Здесь?!

— Пару секунд назад я задал вам тот же вопрос, — усмехнулся Киан и кивком подозвал бармена, — Что отмечаете?

Я присмотрелась к нему. Дорогая белая рубашка с закатанными до локтя рукавами, дорогие брюки, дорогой ремень, дорогие туфли, дорогая стрижка… Этот мужчина был слишком «дорог» для этого места. Что он здесь забыл?..

— А почему вы думаете, что я что-то отмечаю? — спросила я, сверкая в его сторону уже ни разу не трезвым взглядом.

— Судя по вашему наряду… и настроению, — добавил он, когда пауза после просмотра моей одежды затянулась до неприличной.

Я опустила взгляд на своё одеяние и вынуждена была отметить, что платье и впрямь не тянет на «повседневное».

Бежевое мини, облегающее мою фигуру, было со мной согласно.

— Чем я могу вас угостить? — улыбнулся этот волшебный во всех смыслах мужчина.

Было видно, что ему доставляло большое удовольствие наблюдать за моими реакциями на его внимание.

— Угостите её Иргазмом, — неожиданно появившись за моим плечом, выдала Катрин.

Я округлила глаза, надеясь, что ослышалась, и прикладывая усилия, чтобы не убить подругу сразу.

— Чем, простите? — улыбаясь в тридцать два зуба, весело переспросил Киан.

— Иргазм. Очень вкусный авторский коктейль местных барменов, — в ответ оскалилась Катя, — Заказываю его всякий раз, когда бываю здесь.

Ирландец усмехнулся, едва заметно покачав головой, и обернулся к бармену, чтобы сделать заказ.

— Чегооо? — медленно прошипела я, разворачиваясь к подруге.

— А что? Он вкусный. На основе сока ирги, — хмыкнула Катя, делая вид, что не подставила меня по полной несколько секунд назад.

— Вот и пила бы его сама! — расчленяя её своим взглядом, процедила я.

— Так я и буду, — легко отмахнулась Катрин, — твой ирландец такой галантный, что не сможет оставить девушку без выпивки.

Что ж, через пару минут перед нами и впрямь стояли полные бокалы довольно вкусного сладкого коктейля с водкой. Вот только пила я уже без особого удовольствия. И не потому что не люблю сладкое, а потому что вдруг очень остро ощутила своё одиночество… и боль… Что за чёрт, боль-то откуда? Но мой мозг уже был под приличным градусом, так что понять, чья это была грусть, я уже не могла — и списывала всё на расстройство от «остроумия» подруги…

Катя продолжала весело чирикать о всяких глупостях, а Киан продолжал делать вид, что ему всё это интересно. А я продолжала топить свою неожиданно вернувшуюся депрессию алкоголем. Да, я давно не была так пьяна, как в тот вечер, а то бы сразу заподозрила, что со мной что-то не так, когда меня вдруг потянуло на улицу… Первый квартал, второй квартал… как я иду-то? На моих ногах нереальные шпильки — ноги должны были уже раз сто отвалиться по дороге… Я запрыгнула на балкон второго этажа и проползла до четвёртого, упираясь босыми ногами в кирпичную кладку и держась руками за края оконных рам. Квартира была необычно светлой — даже тюль был прозрачно бежевым и совсем не скрывал того, что происходило внутри: пожилая женщина стояла и молча выслушивала, как молодая девушка что-то высказывала ей с таким выражением на лице, словно та бедная старушка была здесь домработницей или

служанкой. Но я чувствовала: эта квартира — её. Она её хозяйка. И это её тоска меня позвала… Её боль и её грусть. Ей необходимо было освободиться. А мне — необходимо было освободить её… и я закричала! Из-за всех сил, надрывая легкие и грозясь остаться без собственных перепонок от этого дикого крика! Когда вся боль ушла, я спокойно спустилась по стене и поплелась домой. Мне необходим был отдых. Я сделала дело. Указала дорогу. Теперь можно было и отдохнуть…

— … Высокочастотные излучения неизвестного происхождения… Что-то вроде ультразвука… Да, но это были не летучие мыши… Внучка пострадавшей… «Нет, это было нечто иное, я сама слышала! Она умерла не своей смертью! Я понятия не имею, как я жива осталась!»… Мы вернёмся к этой новости… А сейчас о погоде…

Чеееегооооо?..

Я открыла один глаз, затем второй, обнаруживая себя на своём диване, в своей квартире… но… кто включил телевизор?

Я осторожно привстала, стараясь не растрясти свою вечно страдающую от похмелья голову… и застонала в голос — я лежала на пульте. Какого рожна я вчера его не убрала?! А так могла бы спать до обеда…

Пришлось свешивать свои ноги на пол и стонать ещё громче — я заснула в своём клубном платье! Да что ж за жизнь такая?

В голове начало звенеть, стоило предпринять попытку встать на ноги, так что я быстро отбросила эту идею, а через секунду отбросила идею жить в принципе — потому что в голове теперь звенело не переставая… О… это не в голове… это звонок моей квартиры.

Встаю, плетусь к входной двери, открываю.

Да чтоб вас всех черти драли! Передо мной стоял Киан собственной персоной и в руках он держал мои туфли…

— Э… — красноречиво выдала я.

— Ты забыла вчера в клубе, — Киан протянул мне мою обувь, выглядя при этом весьма спокойно, так, словно возвращать туфли малознакомым девушкам было для него привычным делом.

Да я, мать её, золушка…

А когда это мы успели перейти на «ты»?

— А теперь слушай меня внимательно, — голос Киана ничуть не изменился, как и выражение его лица, но я почему-то начала серьёзно внимать каждому его слову, — Все эти дни до отъезда в Италию ты ведёшь себя тихо и незаметно. Никуда не выходишь, не шляешься по клубам, ни в коем случае не употребляешь алкоголь. Ты это поняла? Если поняла, то кивни.

Я кивнула, уставившись на него во все глаза.

— Я заеду за тобой через две недели; постарайся… поменьше хандрить.

Я нахмурилась, но ещё раз кивнула; и вот так вот стоя перед открытой дверью в мятом испорченном трикотажном платье, со своими туфлями в руках, я и проводила фигуру волшебного ирландца вплоть до самого лифта — и продолжила стоять, даже когда дверцы перед ним сомкнулись, отрезая от меня его серьёзные глаза…

…

Что за?..

Следующие две недели прошли для меня, как в тумане: то ли это случайность, то ли кто-то нарочно решил завалить меня работой, но звонки на меня так и посыпались, отчего пришлось забить не только на личную жизнь, но и на все свои проблемы. У меня не было времени даже на то, чтобы систематизировать всё, что со мной произошло… Про телевизор пришлось забыть, как и про соц. сети — мне настолько хватало компьютерного облучения на рабочем месте, что гробить своё здоровье, развлекаясь, ходя по страничкам своих друзей, я просто не могла. Так что на пол месяца я и впрямь оказалась отрезана от внешнего мира, сконцентрировав все свои жизненные силы на крохотном мирке нашей турфирмы.

Поэтому, когда ровно через четырнадцать дней в мою квартиру позвонил Киан, единственное, что я смогла сделать — это дотащить свой чемодан до, собственно, двери. Я даже не задавалась вопросом, с какой это радости именно он повезёт меня в аэропорт. Наше знакомство и знакомством-то назвать нельзя; так, пересеклись пару раз… ну, туфли он мне мои принёс. Домой.

… а откуда он адрес-то узнал?

Я посмотрела на профиль ирландца, мастерски перестраивающегося из ряда в ряд.

… а когда мы отъехать-то успели?! Бог ты мой, у меня, кажется, провалы в памяти, или я реально настолько вымотана, что уже ничего не соображаю… Следующий кадр — здание аэропорта, регистрация на рейс, мои билеты почему-то у Киана, как и паспорт… а, паспорт у меня шеф забрал неделю назад… Ну, это ладно, это ещё можно понять, но почему ирландец проходит регистрацию вместе со мной?.. Как-то всё это странно… тоже решил в Италию сгонять? Ох, чувствую, поездка выдастся на редкость тяжелая — единственное, о чём я мечтаю — это о тёплой постельке…

В самолёте я просто вырубилась… Понятия не имею, как проходил наш полёт — разбудили меня уже на подлёте, и со сна я ничего не соображала. А когда Киан взял мои вещи и проводил до

машины, припаркованной на стоянке возле аэропорта, я уже ничему не удивлялась и решила пустить всё на самотёк.

— На гостинице твоё начальство решило сэкономить, так что жить будешь в моём доме, — сообщил мне ирландец, пристёгивая ремень безопасности.

— Да плевать, довези меня до кровати, — уже ничего не стесняясь пробурчала я, укладывая своё бедное тело на задние сидения.

Киан усмехнулся и завёл машину… Хм… а разве в рекламнике не указано единое место проживания для всех работников нашей сети?

А, к чертям… Лишь бы клопов не было…

— Нет, нашёл без проблем… Да, они присутствуют… нет. Не проверял, знаешь ли… В общем-то нет, но с алкоголем нужно быть поосторожнее… Я уже написал ему, чтобы убрал все бутылки… Мам!.. Да там такая история… Да нет, напилась, ощутила зов, сделала своё дело, с пьяну не обратив внимания, что старуха там не одна была… Ладно — пожилая женщина… Да умерла, конечно… да нет, внучка её ощутила что-то, телевизионщиков позвала… так она ж пьяная была!.. А как я, по-твоему, мог догнать Бошенту?!. Нет, здесь она будет под присмотром… Да, моим и Его… Хватит, мам! Она — наша… Вот и выясним… Подожди. Она, кажется, проснулась… Тая?

От неожиданности я открыла глаза, совсем забывая про свою конспирацию. Вообще-то я проснулась минут пять назад, но разговор, который вёл Киан со своей матерью, был настолько богат на информацию, что я просто не могла себя выдать.

— Да, проснулась. Всё, отключаюсь, — ирландец выключил телефон и посмотрел на меня, — Мы уже почти приехали.

— Кто такая «бошента»? — спросила я, совершенно игнорируя великолепные итальянские пейзажи за окном.

— Бошента? — переспросил Киан, делая вид, что не понимает, о чём я.

Ага, старайся дальше. Я вообще-то не глухая.

— Ты произнёс это слово, когда говорил по телефону, — решив сыграть по его правилам, напомнила я.

— Я произнёс много непонятных тебе слов — всё-таки говорил на ирландском, — Киан весело усмехнулся, вынуждая меня удивлённо нахмуриться.

Он говорил на русском! Я же всё понимала!

— Это слово запомнилось мне больше всего… — на ходу начала импровизировать я, — Оно мне что-то напомнило… Что-то знакомое.

— Бошента, банши — в разных местах Ирландии её зовут по-

разному… — Киан, вновь уделил всё своё внимание дороге, — По-русски это переводится, как Плакальщица — женщина из потустороннего мира.

— Я знаю, кто такая Банши; смотрела «Зачарованных», — выразительно подняв бровь, сказала я.

— Исчерпывающий источник, — хмыкнул Киан.

— Суть не в этом, — примирительно подняла руки я, — А в том, что ты её упомянул… Почему?

— Потому что одна из них сидит на пассажирском сидении моего авто.

Я замолкла. А потом всё же издала звук. Чем-то он напоминал утиное «кря»… А может, мне показалось…

— Ты знаешь, кто я? — по слогам спросила я.

— Знаю, — улыбнулся Киан, вновь отвернувшись к дороге.

— Но… как это возможно? — пробормотала я, — Я думала, я не оставляла следов…

— Ох, ты наследила дай Боже, — хмыкнул Киан, а затем посмотрел на меня, — Но я за тобой подчистил.

— Стой… Так ты приехал… — начало медленно доходить до меня.

— Да, я приехал в Россию за тобой. Ты не должна была быть там. Здесь твоё место.

— Здесь? В Италии? — я вытаращилась на него.

— Здесь — рядом со мной, — объяснил Киан.

Да уж, объяснил…

— Стоп, стоп, стоп! — я закачала головой, — Так это похищение?!

— Если учесть, что ты здесь по доброй воле, то нет, — заметил этот… похититель!

— Я буду кричать! — всерьёз предупредила я.

— А вот этого не надо! — тут же отозвался Киан, — На коренных жителей Ирландии крик Банши действует по-особому.

— И как, позволь узнать? — тут же заинтересовалась я.

— Всему своё время.

— Да ладно! — я всплеснула руками, — А то, что меня выкрали из родной страны под видом рекламного тура, я должна принять, как подарок от Санты?

— Не впутывай в это Святого Николая, вы из разных канцелярий, — поморщился Киан.

— Я тебя сейчас ударю, — призналась я.

— Ладно! — он на секунду оторвал руки от руля, поднимая их вверх, — Ты — Банши. Потомственная. Ирландка.

— А-ха-ха! — совсем не искренне посмеялась я, — Я — русская. Спроси у моей бабушки.

— Значит, ирланды были где-то в предках, — ничуть не смутившись, уступил Киан.

— И? — я выжидательно посмотрела на него.

— И… тебе досталась наследственная сила, которая чёрт знает — как просыпается в носителях ирландских корней и не даёт им нормально жить всю жизнь.

— Это самое странное похищение из всех, — развернувшись лицом к дороге, подытожила я.

— Тебя часто похищали? — поднял бровь Киан.

— Нет, но я предполагала, что будет багажник и кляп, а не рассуждения о моих корнях в Италии.

Киан вновь усмехнулся, а потом вырулил машину к одному из поместий, дорога в которое шла через просторную садовую зону, где росли виноград, виноград, виноград… ещё что-то, чего я не разобрала… яблоневые деревья…

— А ты неплохо живешь, Киан, — заметила я.

— Это дом Шона. Он здесь отдыхает в летний сезон, — выезжая на гравийную дорогу и останавливаясь перед внушительного вида особняком, сказал ирландец.

— Шон? — переспросила я.

— Мой младший брат, — отстегнувшись, сказал он, — Не обращай на него внимания, а если сможешь — вообще игнорируй. Мы здесь только потому, что рекламный тур в Ирландию во время вашего кризиса выглядел бы странно.

Я открыла рот и поспешила отстегнуться, а когда вышла из машины, выкрикнула с праведным гневом:

— Так у меня не будет экскурсий по Италии?!

— Если хочешь, я устрою тебе экскурсию. Но, боюсь, ты сама откажешься от подобной потери времени, — спокойно ответил Киан и достал мой чемодан из багажника.

— Киан, зачем ты вывез меня из России? — опустив руки, сосредоточенно спросила я.

— Здесь я могу тебя защитить. А там — нет, — ответил ирландец.

— Защитить? От кого? — нахмурилась я.

— От самой себя, — отрезал он.

Затем прошёл по выложенной камнями дорожке до огромной двери, украшающей вход в поместье не хуже, чем картина какого-нибудь известного художника (Господь мой, всемогущий — зачем столько бабла тратить на простую входную дверь?!), открыл это произведение искусства и зашёл внутрь. Мне, по-видимому, предлагалось повторить его путь. Ну, а что я? Я в чужой стране, а мой чемодан в руках похитителя.

Так что идём и не пыхтим слишком громко…

Первое, что бросилось в глаза — это элегантность дизайна интерьера. При огромной площади дома, мебели здесь было не так много. Но при этом возникало чувство гармонии и уюта — что редко встречалось в домах, к благоустройству которых не приложила руку женщина.

— Вы женаты, Киан? — задала я логичный вопрос.

— Да, женат. Но моя жена осталась в Ирландии, — кивнул этот уже совсем не волшебный мужчина.

— Это она проектировала дом? — я обвела взглядом помещение.

— Нет, это наша мама, — улыбнулся ирландец и кивнул в сторону лестницы.

— Ваша мама?.. — я поднялась вслед за ним на второй этаж, с лёгким любопытством поглядывая на те ступеньки, что вели выше, — В смысле — вас и Шона?

— Да, я уже упоминал о нём, — Киан внёс мой чемодан в просторную светлую комнату, оформленную в постельных тонах, и сразу же вызвавшую у меня дикий восторг.

Гостиница? Какая гостиница?! У меня здесь чуть ли не свой Незерфилд!

Ну, по крайней мере — одна из его спален…

— Я могу принять душ? — спросила первое, что пришло в голову.

Да, похищение — похищением, но мне было просто жизненно-необходимо освежиться.

— Прямо по коридору, — понятливо кивнул Киан, — Я буду ждать вас внизу через тридцать минут.

— С целью? — тут же напряглась я, при этом ощущая себя сестрой мистера Бингли.

Той самой стервозной особой, которая общалась со всеми через губу. А что? Обстановка располагает…

— С целью хорошо провести время за чашечкой чая, обсуждая все насущные проблемы, — галантно улыбнулся женатый Киан и, откланявшись, вышел из уже моей комнаты.

Я, недолго думая, собрала все нужные мне принадлежности и сбежала в ванную, убранство которой поразило меня не меньше, чем всё остальное в этом доме.

Чистота! Какая же это прелесть! И как славно, что я имею такую возможность — обмыть своё тело после долгого перелёта… Хотя, чего греха таить? Настоящим похищением Всё Это назвать было трудно. Я поймала себя на том, что получаю удовольствие от подобной… ситуации.

А представлять себе маленькую душевую дешёвой гостиницы, — если не хостела с одной звездой, — так и вовсе не

хотелось. Нет, это я удачно попала. Ещё бы разрешить вопрос с моей странной потребностью визжать в чужие окна — и вообще тур класса люкс получится!

Я вытерла себя полотенцем и натянула чистое легкое платье, купленное специально для выездов заграницу. Затем собрала все свои вещи, вышла из ванной и… замерла.

По коридору — как раз мимо моей комнаты, — проходил молодой человек.

У раскрытой двери он задержался — буквально на секунду… и сразу же направился к лестнице. Его лица я не видела, только спину в чёрной майке, красивые жилистые руки и… татуировки. На обоих предплечьях.

Волосы у него были тёмные, не коротко стриженные… синие джинсы сидели на бёдрах так, что я не могла оторвать взгляда от его…

Это Шон, да? Занятный экземпляр. Надеюсь, он не такой красивый, как Киан, и появляться здесь будет очень редко… А, да, это его дом. Что ж, надеюсь, наше дружеское чаепитие он пропустит. Как и все последующие.

У меня немного слабостей в этой жизни. Но одна из сильнейших — это татуированные мужчины.

Так, думаем о своей странной способности, Тая. Именно о ней. Висеть на стене, вторгаясь в частную жизнь незнакомых мне людей — это плохо. А ещё хуже, что об этом моём тайном увлечении знает малознакомый мне женатый ирландец. Вот о чём нужно думать, радость моя. И о том, что этот самый малознакомый женатый ирландец ждёт меня на чашечку чая.

Ну, что ж? Заносим всё своё добро в казённую спальню и идём.

Навстречу допросу.

Или вопросам.

Это как посмотреть.

Гостиная в этом доме оказалась невероятно просторной и стильной: бежевые кожаные диваны сочетались здесь с белым роялем какой-то известной немецкой марки, а картины импрессионистов — со старинным камином, явно перевезённым сюда из какого-то замка. Да, камин меня покорил. Люблю, когда в доме есть источник чистой стихии — и я сейчас не про воду из крана. Я ещё не знала, как относиться к роскоши вокруг, и стоит ли мне принимать всё, как данность, или же нужно устроить истерику и потребовать, чтобы мне всё объяснили и отпустили домой. Но! Наручников на моих руках не было, как и верёвки; без еды меня не держали… пока, — да к тому же обещали всё рассказать. Что «всё» — отдельный вопрос, но я готова была

рискнуть и довериться этому странному мужчине, решившему, что он может управлять моей жизнью и при этом не становиться моим мужем. Да, я была неприятно уязвлена тем фактом, что ирландец не поспешил рассказать мне о своей жене, когда в открытую флиртовал в ночном клубе, но, должно быть, у него были на то причины. А, может, это просто национальная особенность — быть приветливым и обаятельным со всеми женщинами вокруг…

Не хочу об этом думать!

Хочу выяснить, что он знает о моей небольшой проблемке…

Я подошла к дивану, рядом с которым стоял небольшой стеклянный столик с чайным сервизом. Миленькие чашечки, красивые розеточки с джемом, тарелочка с изящными печенюшками… Я подняла взгляд на Киана, вошедшего в гостиную, и, кажется он всё понял по моим глазам…

— Чувствую, здесь потребуется тяжёлая артиллерия, — сказал он и кивком головы предложил следовать за ним.

Тарелка со стейком лёгкой прожарки, микс из зелени с оливковым маслом, орегано и тёртым пармезаном, отваренные и поджаренные с розмарином картофельные дольки и большая кружка крепкого кофе.

— У тебя потрясающая способность чувствовать степень голода твоих гостей, — заметила я, заканчивая со стейком в первую же минуту.

— Я как-то не думал, что такая миниатюрная девушка может столько есть, — признался Киан с огромным любопытством наблюдая за исчезновением продуктов со стола.

Ха! Да разве ж это много? В кафе помимо всего перечисленного я обычно беру десерт.

— Ты мне льстишь, никакая я не миниатюрная, — фыркнула я, опустошая миску с салатом.

— А ты давно в зеркало смотрелась? — Киан поднял одну бровь.

Я перестала жевать. Затем подозрительно посмотрела на ирландца… и, резко поднявшись с места, рванула в гостиную, на стене которой я видела зеркало.

— Твою ж мать, — глядя на отражение ошалелым взглядом, выдавила я.

Из зеркала всё ещё смотрела я. Вот только моими скулами теперь можно было нарезать колбасу, а цвету кожи обзавидовались бы все знатные дамы восемнадцатого и девятнадцатого века. Я не говорю про цвет волос, который обрадовал меня больше всего. Блондинка. Абсолютная. Даже ни намёка на прежний русый цвет. Это ж я что, все эти две недели в

зеркало не смотрела?!

Ответ был очевиден. Не до того было…

— И как меня в аэропорту по паспорту пропустили? — уставившись на себя, как на восьмое чудо света, спросила я, — Ведь с фоткой уже ничего общего…

— В тебе всё ещё можно узнать прежнюю Таиссию Александровну, — «успокоил» меня Киан, — но эти изменения…

— Это теперь навсегда? — перебила его я, уже заранее зная ответ.

— Ты очень красивая, — глядя на меня через зеркало, мягко сказал ирландец.

— Я очень мёртвая, — огрызнулась я, прикладывая худую ладонь ко лбу.

— Ты — банши. Это особенность твоего организма, — примирительно сказал Киан.

— Становится бесцветной? — ещё больше разозлилась я.

— Становиться заметной в темноте, — ответил тот и аккуратно взял меня за плечи, отводя от зеркала обратно на кухню.

— Это кошмар… это просто какой-то кошмар! — бормотала я, едва волоча за собой ноги.

— Ты слишком бурно реагируешь, — усадив меня на стул, сказал Киан, — разве ты не видишь, насколько ты неповторима?

О, да! Я неповторима. Для всех любителей некромантии и вампирской тематики. А для всех остальных я буду просто странной! Это сколько же тонн автозагара придётся потратить, чтобы вернуть коже прежний нормальный цвет?!

А волосы? Разве их возьмёт какая-нибудь краска?

Хотя нет, цвет волос мне нравился. Он был таким натуральным — ничего общего с тем, что творилось на моей голове пару недель назад. Тогда я и впрямь думала, что седею. Теперь же я понимала, что тот цвет просто не сочетался с цветом моей кожи…

Вообще, если быть честной с самой собой, я стала выглядеть намного эффектнее — прям как супермодель какого-то элитного агентства. Но это не уменьшало моей гречи о потере прежнего вида.

Всё-таки я слишком привыкла к себе. За двадцать шесть-то лет!

Часть 2. Крик банши

— Почему это происходит? — спросила я, грея лоб о кружку с кофе.

Зачем я грела лоб в комнате, где температура помещения была примерно около двадцати шести градусов — вопрос, интересный даже мне самой.

— Что именно? Изменения во внешности? — участливо поинтересовался Киан, — Я уже объяснял тебе — всё дело в твоём наследии.

— Ты не объяснил, в каком именно наследии! — прорычала я, выглядывая из-под кружки, — Почему я? При чём здесь ты? И какого лешего я хочу орать, когда смотрю на стариков, вися на стенах их домов?!

— На первый вопрос я уже тебе ответил, у тебя ирландские корни. Поскольку кто-то из твоих предков явно не пожелал распространяться о том, откуда он родом, сейчас сложно понять — каким образом сила проснулась именно в тебе, — Киан плеснул себе виски в стакан и присел напротив меня, — Почему ты должна быть рядом со мной? Потому что я — представитель старинного ирландского рода. И поскольку делами семьи сейчас занимаюсь именно я, значит, задача привезти тебя на родину предков тоже лежит на моих плечах. Ты — достояние Ирландии. Банши могут возвещать о смерти где угодно, но только на родной земле их крик будет услышан жертвой. Более того, твоей прямой обязанностью является возвещать о смерти истинно ирландские семьи…

— Да что ты?! — перебила его я, — Моей прямой обязанностью?! Моей прямой обязанностью является втюхивание клиентам туров с двадцатипроцентной накруткой, моей прямой обязанностью является плата за квартиру моему арендодателю. Но никак не возвещение о смерти людей другой национальности!

— Когда ты чувствовала зов в России, ты исчезала из поля видения людей, а твой крик становился подобен ультразвуку. Поэтому тебя никто ни разу не увидел… Ну, кроме того случая, когда ты пошла на зов в нетрезвом состоянии и умудрилась возвестить о смерти в присутствии молодой девушки, чувствительной к подобным частотам. В любой другой ситуации вне ирландской земли сила защитит тебя от ненужных глаз. Но на земле предков ты будешь видима и, что самое главное — слышима.

— Стоп! Стоп-стоп-стоп! — я подняла руки вверх и посмотрела на Киана весьма многозначительным взглядом, — Ты

сам мне сказал, что моя сила для меня опасна. Что ты защищаешь меня, вывозя с территории России, а теперь ты заявляешь мне, что там моя сила защищала меня от чужих глаз. Значит, попасться там — для меня было практически невозможно, в то время, как на территории Ирландии моя сила будет видна всем и каждому… Где логика?! — выкрикнула я, резко вставая со стула и упираясь руками в стол.

— Останься ты в России, со временем твоя сила сделала бы из тебя то, чем являются Банши по старинным преданиям… Она сделала бы тебя духом.

Я закрыла рот. А потом села на стул.

— Чего? — выдавила из себя.

— Всё просто. Сила банши велика только на родной земле; сама земля питает её. Но на чужой территории твой дар защищает тебя, как может… — Киан развёл руки в стороны, демонстрируя полное отсутствие возможности как-либо исправить эту ситуацию.

— Значит, когда ты говорил, что защищаешь меня от меня самой… — выдохнула я.

— Я в прямом смысле защищал твою жизнь, — кивнул Киан.

— Но тогда какого чёрта мы в Италии, а не в Ирландии?! — взвизгнула я, ничего не понимая.

— Ты рядом со мной — это самое главное. Твоя сила отзывается на меня; она чувствует меня. Пока я рядом, ты в безопасности.

— Но почему мы приехали именно сюда? — задала чёткий вопрос я.

— Потому что мне нужно каким-то образом убедить Шона вернуться в Ирландию, — выдал Киан.

Я громко вдохнула и так же громко выдохнула.

— Ты что, собираешься впутать меня в свои семейные разборки? — очень нехорошим голосом спросила я.

— Нет, от тебя ничего не требуется. Просто мне нужно время, чтобы убедить его по-хорошему.

— А я здесь причём? Отправил бы меня прямо в Ирландию к своей матушке, зачем было тащить меня за собой сюда?!

И это при условии, что никаких экскурсий мне не предоставят! И сидеть, по-видимому, я буду здесь — в доме! Без всяких прогулок по итальянским улочкам! Без посещения музеев, выставок и достопримечательностей!

Зачем было травить мне душу?!?

— Тая, это не обсуждается, — Киан так выразительно посмотрел на меня, что я поняла — действительно не обсуждается. Без вариантов.

Ну, и чёрт с ним. Захочу и свалю отсюда! И совсем даже не буду страдать, когда превращусь в бесплотного призрака! Зато так будет даже удобнее повсюду следовать за наглым ирландцем и не давать ему покоя до самой его смерти!

Бу-га-га — я мстительная!

— У тебя донельзя кровожадное выражение на лице, — заметил Киан, ничуть не страдая от подозрений и вообще какого-либо волнения по поводу моего странного подъёма духа.

— Мне нужна свобода передвижения. Иначе плохо будет всем, — честно призналась я.

— Можешь побегать по лужайке перед домом, — беспристрастно ответил Киан.

— Ты — изверг, — решила добить своей честностью я.

— Это ты ещё с Шоном не общалась, — признался ирландец.

— Уже горю от нетерпения, — скисла я, затем поднялась на ноги, прошла к окну, постояла секунд пять и, развернувшись, вопросила: — А лужайка перед домом включает в себя виноградник?..

О, это дивное ощущение в животе, когда ты наелся спелых фруктов, надышался свежим воздухом, и вообще от счастья умереть готов… и чего это я вещаю о себе в мужском роде?..

Контакт… он дурно на всех влияет.

— Киан? — крикнула я навскидку, но ответом мне была лишь тишина…

Значит, и впрямь — не послышалось. Он действительно ушёл минут сорок назад, предупредив, чтоб я не выходила за пределы территории поместья (какой наивный). И машина действительно проехала мимо виноградника в сторону дороги минут тридцать назад.

Я… здесь… одна?..

Коварная улыбка сама собой растянулась на моём лице.

Вот только воплотить шикарнейший из планов мести, включавший в себя самые подлые приёмы из арсенала «Отчаянных домохозяек», у меня так и не получилось. Нет. Только я вышла из ванной, пролежав там около часа, нежась в водичке, полной приятнейших из ароматов, воздушной пены с ласковыми пузырьками (о, меня несёт — в одном из средств явно была какая-то травка…), в общем — только я вышла из душа, только подсушила волосы, только оделась и спустилась вниз, дабы начать воплощать план в жизнь (а план включал в себя хищение пармезана из казённого холодильника и сокрытие его в тайном углу моего чемодана… чёрт… а может, всё дело в винограде?..), как входная дверь открылась и в дом зашёл… Шон.

Я даже остановилась на полпути в столовую. Таких всё ещё

рожают? Я думала, подобные типажи — плод длительной работы фотошопа…

Чётко выделенные скулы, яркие, пронзительные голубые глаза, чувственные губы, прямой нос, загорелая кожа… Идеальные пропорции его тела я заметила ещё в первый раз, но теперь, когда ВСЁ ЭТО стояло прямо передо мной и смотрело на меня… Сколько ему? Лет двадцать шесть? Двадцать семь? Почему я хочу от него детей?!.

Я нервно сглотнула и нерешительно подняла ладонь в приветствии.

Чччёрт… Не хватало только традиционного индейского «Хау!» …

Шон осмотрел меня не особо заинтересованным взглядом и, абсолютно проигнорировав моё приветствие, прошёл на кухню…

Это. Что. Сейчас. Было?

Я собрала всю волю в кулак и неспешно прошла за ним, надеясь, что у него косоглазие, и меня просто не заметили.

— Привет. Ты — Шон? — сказала его спине, уже не особо стараясь журчать аки ручеюшка…

Шон оглянулся на меня, смерил новым равнодушным взглядом и вернулся к просмотру содержимого холодильника.

— Ты немой? — уже вообще не делая усилий, чтобы голос звучал дружелюбно, раздражённо спросила я.

— И с чего, мне интересно, ты взяла, что я тебя понимаю? — вновь развернувшись ко мне и склонив голову набок, пренебрежительно вопросил парень.

А я только и могла, что глазами хлопать. Это что, такой разговор папуасов?.. Типа: твоя — моя — не понимать? Или он специально издевается надо мной?!

— С того, что мы с тобой разговариваем на одном языке, — как тупому, объяснила ему.

Шон нахмурился, весьма озадаченный выражением моего лица, которое в этот момент действительно было… выразительным, — и резко качнул головой, вопрошая у воздуха:

— Какого хрена всё это происходит в моём доме?..

— Ты знаешь, а я ему тот же вопрос задала! — радостно (от того, что есть, за что зацепиться) провозгласила я.

Шон ещё раз посмотрел на меня, достав из холодильника бутылку какого-то итальянского пива и кусок мяса из морозильной камеры.

— Твою мать… — он как-то тяжко вздохнул и убрал мясо обратно, ограничившись лишь пивом и какими-то снеками.

Это он что… из-за меня готовить не стал?

— Я тебе мешаю? — недоверчиво спросила я — Киан вроде

не запаривался моим присутствием во время приготовления пищи… Или у них, обрусевших ирландцев, это — какое-то сакральное действо?..

— Цензура

! Да что ж тебе надо-то? — Шон с громким звуком поставил бутылку на стол и упёрся в него обеими руками, глядя на меня взбешёнными глазами.

Ох, кажется, я и впрямь вывела его из себя…

— Прости, — я отступила на шаг.

Правда… я ведь здесь всего лишь гостья… а у этого ходячего идеала наверняка куча своих идеальных проблем… и без меня…

И Киан предупреждал, что с его братцем могут возникнуть проблемы…

Да не особо-то и хотелось!.. Общаться с тобой… Вот…

И, собрав остатки своей гордости, я нацепила на лицо безразличное выражение, обошла темноволосого татуированного мужчину моей мечты, в реальном мире оказавшимся представителем блеющего парнокопытного скота (а козлы — парнокопытные? Кажется, нет… А, неважно!), и поднялась по лестнице, краем глаза фиксируя провожающий мои ноги мужской взгляд. Ха! Мы даже не подумаем придавать этому значение! Нет! И абсолютно проигнорируем этот мимолётным интерес! Да!

А свой интерес — загасим, загасим!

Хотя… чего это я?

Резко спустившись обратно, я застала Шона в гостиной, расположившимся на диване с бутылкой пива в одной руке и пультом от плазмы — в другой.

— Знаешь, что, друг мой разлюбезный, я не очень-то хотела, чтоб меня сюда привозили! Более того — рассчитывала, как минимум на центр Рима или поездку во Флоренцию! А меня завезли в поместье в какой-то глуши, где из достопримечательностей — виноградник и охамевший в хлам братец моего похитителя! Так что не надо тут делать вид, что тебе всё так не нравится, и что ты весь такой раздражённый от моего присутствия в твоём доме! Мне, знаешь ли, тоже мало что нравится, но я же молчу! — тут я и впрямь замолчала, осознав всю спорность своего изречения, — Ладно, периодически я нарушаю свой обет молчания, но вообще я не такая говорливая, как сейчас, это ты застал меня в той фазе, когда хочется вылить на кого-то все свои измышления!

— Тебя что, нужно трахнуть, чтоб ты угомонилась? — всерьёз озадачился Шон.

А я… А я озадачилась не меньше.

Это такой он сделал вывод из всего, что я сказала?..

— Я вообще-то шла извиниться за то, что меня тут привезли без спроса, — указав большим пальцем куда-то вглубь дома, зачем-то сказала я.

Наверное, надо было с этого начинать. А то он, бедненький, наверное, запутался в моих рассуждениях.

А Шон в это время поднялся с дивана и медленно, но верно направился ко мне…

— Да, сознаюсь, была не права. Но я вроде как после перелёта… да и недельки эти на работе выдались те ещё… — проблеяла я, не зная, чего ожидать от этого… этого.

— Определённо — не затыкающаяся, — разглядывая меня с интересом пластического хирурга предвкушающего кучу бабла после сотни предстоящих операций, протянул Шон; затем поднял руку и провёл кончиками пальцев по моим волосам, захватывая одну из прядей указательным и наматывая на него несколько седых спиралей, — Интересный цвет, — заключил он и одарил меня новым, более внимательным взглядом, — И чего же хочет мой братец? Чтобы я тебя развлёк? Или развлёкся сам?..

— Хо-хо! — я покачала перед его лицом своим изящным пальчиком, стараясь, чтобы моё собственное, так сказать, личико, не выдавало крайнюю степень смущения, — Я, конечно, всё понимаю, но ваш братец не имел ввиду ничего такого, когда завозил меня в ваш дом…

И когда я успела перейти на «вы»? Должно быть, перескочила в тот момент, когда ощутила всю степень неловкости от осознания того, что мне тут, собственно, предлагают. А Киан точно ничего такого не имел ввиду?.. Хотя о чём это я? Киан? И — сваха?..

— А ты всё не замолкаешь, — Шон прищурился, глядя мне в глаза (к слову, чтобы отвечать ему взглядом, мне приходилось запрокидывать голову; не слишком сильно, но и шея моя — не железная!), — Как же это бесит…

— Здравствуйте, приехали! — выдохнула я, — А тебе не приходило в голову, как бесит МЕНЯ твоя дивная гостеприимность?! У меня тут, знаешь ли, полное ощущение, что мы вообще разговариваем на разных языках…

— Да заткнись ты уже, — выругался Шон, перебивая меня и впиваясь в мои губы каким-то диким, жестким, я бы сказала, тиранским, поцелуем.

И я бы даже запротестовала, если бы его язык вдруг не начал выделывать то, от чего все мои протесты быстро улетучились в далёкие дали, оставляя после себя лишь лёгкое чувство эйфории, быстро перерастающее в настоящее безумие! Мой друг, где целоваться вы учились?! Три секунды, а я уже вообще не помню,

кто я, где я, и почему некоторое время назад я хотела вдарить этому обладателю премии «Зажги мой огонь 2016»! Если бы была олимпиада поцелуев, он явно был бы призёром. Хотя нет, чего там? Он был бы бессменным чемпионом с толпой восторженных фанаток, которым мне уже сейчас хочется выдергать все волосы, хотя такой олимпиады даже в помине нет!.. Как-то за всем этим делом я даже позабыла, что Бог одарил Адама и Еву четырьмя конечностями, две из которых уже активно осваивали каждый островок Шонова тела… Его руки, к слову, тоже не дремали! Теперь я в полном шоке — как я пропустила момент их эпичного вхождения в элемент моего нижнего белья? Причем того, которое снизу?..

А есть ли смысл сопротивляться?.. Когда меня всё устраивает?

Не, нету смысла…

Однако, его телефон, в отличие от меня, был иного мнения: он начал прям-таки разрываться, выдавая на всю гостиную текст припева Burn — Papa Roach. Так! Такую музыку просто так на звонок не ставят! Совершенно точно! Как точно и то, что подобные треки не ставят на вызовы от особей мужского пола! Вот чую я своей мягкой частью тела, которую в данный момент сжимает наглая мужская ладонь, — это прозванивается какая-то очередная подружка Шона… та самая подружка, за «сожжением» которой он бы с удовольствием наблюдал…

Шон оторвался от моего тела, спокойно достал телефон, посмотрел на экран, подумал пару секунд и нажал на кнопку «ответить», отворачиваясь от меня и отходя к окну. Это. Что. Такое. Было?

То есть меня оставят просто так? Вот в таком вот состоянии? А… Я как-то растерянно заозиралась по сторонам, в поисках моральной поддержки… от шкафа, что ли?..

— Да-да, разговаривай, я тут пока постою, о жизни подумаю, — изумлённо пробормотала я, потом-таки собрала свою волю в кулак (а с ним я только этим и занималась), оправила платье, прошла к лестнице и поднялась наверх.

Хорошо, что до Этого у нас не дошло. Было бы уж очень печально прерваться на разговор с бывшей (или нынешней) подружкой в тот момент, когда…

Тут я нервно прыснула, а потом заржала в голос. А потом всё ж-таки опечалилась. Но это уже у себя в комнате.

Пожалуй, на сегодня с меня впечатлений хватит. Пора моей головушке отдохнуть от всего, что произошло со мной за этот день. Да и за все те дни с тех пор, как я встретила Киана. Да и за все те дни с тех пор, как я обнаружила в себе способность визжать

не своим голосом, глядя в окна незнакомых мне людей. Странное, должно быть, зрелище.

Ну, да ладно! Теперь всё это в прошлом. Скоро мой крик будут слышать, а мои путешествия по стенам чужих домов — видеть. Вот, когда придёт покой…

Аж застрелиться хочется.

А Шон… надеюсь, его бывшая подружка съест ему весь мозг. Тогда мне достанется только его тело, с которым я буду играть до тех пор, пока оно мне не надоест — а-ха-ха!!! Да, этот коварный смех был жалок. И я сама — жалка.

И жалко себя… безумно.

Всё, пора заканчивать эту слезливую жуть в своей голове! Спать, Таюшка! Спать! И пусть тебе приснится ритуальное сожжение всех обитательниц Его телефонной книжки…

Однако, снилось мне отнюдь не это…

Снилось мне, как я выпрыгиваю из окна, приземляюсь на босые ноги и начинаю бежать — вперёд! Всё дальше и дальше! Куда-то в темноту и в сырость, ускоряясь с каждым новым движением, ощущая, как рвётся моё намокшее летнее платье, расходясь по боковым швам… как волосы утяжеляются от влаги, которая едва успевает на них оседать — так быстро я бегу! И вдруг в моём сне темнота расступается — и я оказываюсь среди людей! Огней! Машин! Домов! Ресторанов! Баров и снова — людей!.. Так много всех… Я не хочу их видеть. Мне нужно туда, где тихо: где тоска, разрастаясь, заполняет сердце того, чей путь должен закончиться очень скоро… Я уже чувствую его… Да, это он — и я скоро до него доберусь… я скоро…

Я резко затормозила, глядя на остановившуюся прямо передо мной машину. Из салона стремительно выбрался мужчина… смутно знакомый мужчина… очень сердитый мужчина…

— Тая, ты должна поехать со мной, — его властный, уверенный голос заставляет меня склонить голову.

Я ощущаю, как капли дождя стекают по лицу, по шее, по ключице, а следом — в декольте намокшего платья…

Однако, этот мужчина заблуждается — я никому и ничего не должна.

Только Богу Смерти.

И тому, чьё сердце зовёт моего хозяина.

— Тая… — в глазах мужчины появляется понимание, и он готовится сделать ко мне рывок, но я оказываюсь быстрее!

Я срываюсь с места и мчусь так быстро, что не чувствую асфальта под босыми ногами, — и всё же я слышу слова того мужчины, отрывисто произнесённые им в трубку:

— Какого чёрта ты упустил её? Поднимай свой зад и езжай

в…

Я не слышала, куда именно нужно ехать тому, кто меня упустил, — я уже ощущала зов. Зов тоски — тоски души по своему создателю. Она рвалась из тела, желая свободы и не имея сил получить её… но я её слышала! Я дам ей свободу! Я укажу путь Ему, и Он придёт и заберёт с собой тоскующую душу…

Странные звуки неожиданно сбивают меня с цели — я останавливаюсь и смотрю на толпу людей, окруживших странного человека в странном костюме и странной шляпе… у него на проволочном поводке скачет чучело собаки, по какой-то причине вызывавшее дикий восторг и умиление у зрителей… И у меня почему-то тоже… На мужчину в костюме смотрят люди из окон и с балконов домов — он устроил своё представление посреди улицы и принёс с собой какую-то дряхлую магнитолу… Он развлекает зрителей весёлыми фокусами, и я, неожиданно для себя, начинаю улыбаться… а потом в моем спящем сознании всплывает слово «Флоренция»… Кто-то когда-то рассказывал мне об этом человеке… и я знаю, что он выступает в этом городе… я что… тоже — в этом городе?.. Нет… Не об этом я должна думать… моя цель — тоскующая душа, что зовёт моего хозяина. Я отхожу от площади, пятясь назад, затем разворачиваюсь и снова начинаю бежать…

Этот дом… он совсем близко! Я чувствую, что я рядом! Уже совсем скоро! Я ощущаю странный подъём — моё тело словно начинает петь в предвкушении, я…

Я вдруг замечаю, что рядом со мной (на моей же скорости!) мчится мотоцикл. Как давно он едет рядом? И как он может ехать наравне со мной?! Я резко останавливаюсь. В тот момент, когда я прекращаю бег, водитель железного монстра обгоняет меня и резко разворачивается, перекрывая мне узкий проход между домами. Его лицо мне тоже знакомо, но почему-то я не хочу его видеть; я слегка приседаю, готовясь к прыжку через железного монстра и его наездника, — но замираю, как только парень слезает с мотоцикла и встаёт передо мной.

Он тоже недоволен мной, как и тот, первый, — но его недовольство меня задевает. Почему оно меня задевает?..

В том проулке, где я оказалась по велению моего уснувшего разума, почти нет света; с неба льёт непрекращающийся дождь. Я стою, напряжённо глядя на этого, второго, и чего-то жду. Сама не понимаю — чего. Он тоже ждёт. И тоже напряжён. Но, в отличие от меня, он недолго смотрит мне в глаза, нет — его взгляд начинает опускаться вниз и долго изучает то, что было облеплено мокрым платьем. Он смотрит на моё тело…

— В отличие от Киана я не буду просить, — говорит он

хрипловатым голосом.

Он не взволнован. Он просто слишком быстро ехал на мотоцикле в дождь. Я не знаю, что я чувствую по этому поводу.

Тем не менее, я нахмурилась: разве тот, первый, меня о чём-то просил? Я не помню этого. Помню властные интонации в его голосе, на которые он совсем не имел права. Просьбы не звучало.

— Тая, верно? — парень провёл рукой по мокрым волосам, убирая их назад.

Его лицо — очень красивое; я очень чётко понимаю, что он не оставляет меня равнодушной, а ещё понимаю, что ему безумно идёт быть мокрым… мокрым от дождя…

Его майка потемнела от влаги в том месте, где её не прикрывала чёрная кожаная куртка; из-под выреза той самой майки торчали края татуировок; в ушах блестел металл.

Он заставлял меня забывать про цель. Это плохо… это неправильно… я должна идти, туда, куда зовёт меня…

— Нет!

Я застыла в ступоре от неожиданности. Он отдал мне команду?.. Так разговаривают разве что с домашними животными!.. Почему я об этом подумала?..

Я встряхнула головой и, легко оттолкнувшись от земли, прыгнула вперёд, желая оставить опасную преграду позади… как ощутила жёсткий хват на своей талии, затем резкий удар о землю, смягчённый мужским телом, и несколько переворотов по мокрому асфальту, амортизированных тем, кто сковал меня в своих объятиях.

Несколько секунд голова прояснялась… а затем я поняла, кто я, где я, и кто на мне лежит… Шон моментально вжал меня в асфальт, положив обе руки рядом с моей головой и тем самым — лишив меня какой-либо возможности на передвижение.

— Слезь с меня! — негодуя, воскликнула я и увидела, как в его глазах появляется лёгкое облегчение.

Но не от радости, что он удержал меня, а потому, что я, наконец, пришла в себя, и со мной можно было вести связный диалог.

— От тебя слишком много проблем, — сказал Шон, не торопясь выпускать меня из плена своего тела.

Он смотрел на меня, словно пытаясь разглядеть в моём лице нечто… Словно пытаясь найти в моих глазах, губах и скулах какие-то неведомые ответы на неведомые вопросы.

Не нашёл. Слез с меня, встал, отряхнул мокрую куртку, подумал пару секунд и подал мне руку. Я решила, что контакта с его телом на сегодня хватит, потому конечность проигнорировала и поднялась сама.

Осознание того, что произошло, медленно накрывало меня с головой. Чёрт, я сама себя пугала… И с чего я взяла, что всё это — сон? Моему сознанию что, было проще спрятаться за этой информацией?! Почему я не смогла осознать себя, как это было в прошлые разы?.. Или всё дело в том, как я устала за эти полмесяца?.. И как давно не выбиралась на свои… вылазки?..

— Ты идёшь? — вопрос Шона заставил меня вспомнить о его присутствии.

Я перевела на него взгляд.

Он думает, что я понимаю его? Буквально несколько часов назад между нами была языковая пропасть, при том, что мы вроде как разговаривали на одном языке… Что изменилось теперь?

Парень не стал дожидаться моего ответа, он подошёл ко мне вплотную и сказал негромким, завораживающим своей хрипотцой голосом:

— Я поеду с тобой или без тебя. Выбирай.

С губ готово было сорваться красное словцо с очевидным посылом, но я сдержалась. Прошла к его мотоциклу, остановилась, обернулась к нему в ожидании… Парень некоторое время молча смотрел на меня, затем, словно смирившись с чем-то внутри себя, прошёл к своему железному монстру, сел на него, снял куртку, подал мне, дождался, когда я недоверчиво натяну её поверх своего промокшего насквозь платья, и указал на место перед собой.

Насколько я знаю, пассажир должен сидеть сзади. Потому я нахмурилась и в нерешительности застыла перед мотоциклом, а когда всё ж-таки пересилила себя и собралась, было, занести ногу, чтобы устроиться перед Шоном, тот решительно произнёс:

— Нет. Не так.

Я вопросительно посмотрела на него. Парень сжал челюсть, по-видимому, раздражаясь от моей тупости, схватил меня за руку, разворачивая к себе лицом и потянул на сиденье.

— Но так не езд… — начала, было, я.

— Сядь! — раздражённо перебил Шон, затем, когда я всё-таки села, неожиданно протянул ко мне руки, быстро приподнял за ту часть, что была едва прикрыта мокрой тканью, и резко усадил к себе на бёдра.

Я даже удивиться не успела, как он так же грубо прижал меня к себе, вынуждая обнять его руками за талию, завёл мотоцикл и сорвался с места…

Мне ничего не оставалось, как прижаться к Шону всем телом, уткнувшись лицом куда-то между его шеей и плечом, и надеяться, что мы не разобьёмся, мчась на подобной скорости ночью, да ещё и в дождь! Это была моя первая поездка на мотоцикле, и сказать,

что я была впечатлена — это ничего не сказать: ощущения были просто запредельными, учитывая, что я ехала спиной вперёд, да ещё и облепив малознакомого парня руками и ногами, как маленькая обезьянка. Через несколько минут я начала ощущать тепло от его тела и перестала тихо подрагивать от сырости и холода… Тело Шона было не просто горячим, оно грело, как солнышко. Жаркое, гладкое, дико сексуальное солнышко в татуировках… В какой-то момент мне даже удалось расслабиться и прикрыть глаза…

Меня с улицы подобрал парень моей мечты… мокрую, озябшую, босую… и теперь он мчит меня в свой особняк… мчит на железном коне, прижимая рукой к своему горячему телу…

Ну, все поняли, куда ведёт меня моя фантазия?..

Стоп! А когда он прижимать-то начал?!

Я открыла глаза, вдруг осознав, что мы давно приехали (или недавно?) и теперь находились возле входа в поместье, продолжая сидеть на мотоцикле. Моё сердце начало отстукивать рваный ритм, а жар, что был сосредоточен лишь в тех местах, где моё тело соприкасалось с ним — затопил всю меня до основания.

— Проснулась? — Шон не спрашивал, он утверждал, затем выпрямился на ногах, поднимая меня на себе, перешагнул через байк и неспешно направился к входной двери.

— Я… — начала, было, я, не зная, как ему объяснить, что подобная поза не годится для вхождения в дом… и что нас могут неправильно понять… и что вообще — у меня есть две ноги, с которыми я до этого дня отлично справлялась, не путаясь в управлении — как меня заткнули одним единственным предложением:

— Ты пробежала босиком несколько километров в дождь — даже не думай, что я дам тебе пройти по полу.

Я замолчала. Я впечатлилась. Я дала себе зарок никогда больше не смотреть в сторону татуированных, красивых, обаятельных засранцев.

Меня внесли в дом, меня подняли на второй этаж, меня опустили в ванную, включили воду и вручили мне шланг от душа в руки.

— Раз ты отлично понимаешь меня — мне не нужно объяснять, что делать, — сказал Шон, затем отошёл на шаг и закрыл меня полупрозрачной занавеской.

Гадский гад.

Я стянула с себя мокрое платье, скинув его в раковину, направила на тело тёплые струи воды и едва не застонала от блаженства: сейчас, когда режим «Банши» был сведён на «нет», я очень чётко ощущала, как замёрзла… и как застыли мои ноги…

чёрт! Надеюсь, я не почувствую все прелести простуды, когда проснусь завтра утром! Как надеюсь, что не обнаружу кучу синяков на своём теле, когда посмотрю на себя в зеркало!

Потому как, покатали меня по асфальту знатно…

— Где она? — голос Киана заставил меня вздрогнуть, а затем — не без беспокойства вспомнить о том, при каких обстоятельствах мы пересеклись в последний раз.

— Чёёёёрт, — уже вслух прошипела я и начала быстренько смывать с себя гель для душа.

— Она вся продрогла, и, кажется, сильно напугана, — я ослышалась, или это голос Шона? Того самого Шона, который не хотел, чтоб я своими продрогшими грязными ногами пачкала его паркет?..

— Почему она продрогла? Ты что, вез её без шлема, всю вымокшую — на большой скорости?.. Ты вообще в курсе, что, если её кровь засыпает, она становится обычным человеком?!

— А я что, должен был её в плед укутать? Или зонтик с собой захватить? Я вообще не обязан за ней следить! Какого черта, Киан? Это твои проблемы! Она — твоя проблема! Не впутывай меня в это!

— Тая! — дверь в ванную открылась, судя по голосу — старшим братом.

— Я моюсь! Идите все на хрен! — завопила я, совершенно наплевав на все приличия.

Как ни странно, дверь после этого прикрылась.

А когда я, ведомая инстинктом самосохранения, выждала пару минут и, наконец, вышла в коридор, обмотанная полотенцем, — оба брата встретили меня хмурыми взглядами, стоя рядом с моей комнатой.

— Знать ничего не хочу! — сделав морду кирпичом и пройдя в свои «покои», сказала я, а затем — быстро закрылась внутри спальни.

— Тая, нам нужно поговорить, — через дверь обратился ко мне Киан.

— Тебе нужно вспомнить, зачем ты меня привёз, и на чьих плечах лежит обязанность следить за мной, — парировала я.

Выслушивать, как они высказывают друг другу претензии, не желая брать на себя ответственность, было просто смешно. И неприятно — чего уж тут…

— Я не думал, что тебя понесёт в первый же день, — чуть спокойнее ответил Киан.

— Ты о многом не думал, когда вёз меня в дом своего брата, — заметила я, вытирая волосы полотенцем.

А потом неожиданно чихнула… Нет-нет-нет! Только не это! Я

не хочу болеть в Италии! Я хочу изучать Италию, хочу гулять по Италии, хочу общаться с итальянцами, но никак не лежать в кровати с температурой!

— Тая, ты простыла? — слегка взволнованно спросил Киан.

— Нет, блин, я прям лучусь здоровьем и хорошим настроением! — огрызнулась я, — И вообще — оставьте меня! Я хочу спать!

Через несколько секунд от двери кто-то отошёл — не стану утверждать, но, кажется, это был Шон. Через минуту звук повторился — должно быть, теперь сдался и Киан. А я просто упала на кровать и начала думать.

А поводов для думы было много…

Во-первых, что за Бог Смерти, о котором я вспоминала, пока бежала в бреду на зов чужого сердца? Во-вторых, почему именно меня он должен услышать? Мы как-то связаны? В-третьих — как он выглядит? Если он вообще имеет какую-то форму… И что я буду делать в Ирландии, когда весь народ будет знать меня в глаза и при этом понимать — что если я появлюсь у их дома, то кто-то из семьи точно умрёт?!

Да будь я на месте тех людей, я бы дежурила у окна с дробовиком! Нет Банши — не придёт и Бог Смерти! По-моему, вывод очевиден! Ведь я отмечаю своим криком не абы кого, а конкретных людей, душа которых меня зовёт! Душа которых хочет вернуться к Создателю… Чёрт, всё это слишком сложно для одной хрупкой и маленькой меня!

Я ещё раз чихнула, с какой-то дикой тоской подумав о завтрашней температуре, соплях и всех радостях простуды, как дверь в мою комнату раскрылась, и внутрь вошёл Шон.

— Что, будешь сетовать о заразном воздухе в доме? Или сразу выселишь меня на улицу — чтоб глаза не мозолила? — проворчала я, прячась под простынёй и даже не успевая отреагировать на то, что дверь в общем-то была заперта…

— Ни черта не понимаю, что ты говоришь, — выругался парень.

Он подошёл к моей кровати, замер надо мной на пару секунд, затем резко наклонился, поднял на руки вместе с простынёй, в которую было завёрнуто моё тело, и вынес из комнаты.

— Что? Куда?! — пискнула я, испугавшись, что меня и впрямь понесли на улицу. И я сама — жалка.

И жалко себя… безумно.

Всё, пора заканчивать эту слезливую жуть в своей голове! Спать, Таюшка! Спать! И пусть тебе приснится ритуальное сожжение всех обитательниц Его телефонной книжки…

Однако, снилось мне отнюдь не это…

Снилось мне, как я выпрыгиваю из окна, приземляюсь на босые ноги и начинаю бежать — вперёд! Всё дальше и дальше! Куда-то в темноту и в сырость, ускоряясь с каждым новым движением, ощущая, как рвётся моё намокшее летнее платье, расходясь по боковым швам… как волосы утяжеляются от влаги, которая едва успевает на них оседать — так быстро я бегу! И вдруг в моём сне темнота расступается — и я оказываюсь среди людей! Огней! Машин! Домов! Ресторанов! Баров и снова — людей!.. Так много всех… Я не хочу их видеть. Мне нужно туда, где тихо: где тоска, разрастаясь, заполняет сердце того, чей путь должен закончиться очень скоро… Я уже чувствую его… Да, это он — и я скоро до него доберусь… я скоро…

Я резко затормозила, глядя на остановившуюся прямо передо мной машину. Из салона стремительно выбрался мужчина… смутно знакомый мужчина… очень сердитый мужчина…

— Тая, ты должна поехать со мной, — его властный, уверенный голос заставляет меня склонить голову.

Я ощущаю, как капли дождя стекают по лицу, по шее, по ключице, а следом — в декольте намокшего платья…

Однако, этот мужчина заблуждается — я никому и ничего не должна.

Только Богу Смерти.

И тому, чьё сердце зовёт моего хозяина.

— Тая… — в глазах мужчины появляется понимание, и он готовится сделать ко мне рывок, но я оказываюсь быстрее!

Я срываюсь с места и мчусь так быстро, что не чувствую асфальта под босыми ногами, — и всё же я слышу слова того мужчины, отрывисто произнесённые им в трубку:

— Какого чёрта ты упустил её? Поднимай свой зад и езжай в…

Я не слышала, куда именно нужно ехать тому, кто меня упустил, — я уже ощущала зов. Зов тоски — тоски души по своему создателю. Она рвалась из тела, желая свободы и не имея сил получить её… но я её слышала! Я дам ей свободу! Я укажу путь Ему, и Он придёт и заберёт с собой тоскующую душу…

Странные звуки неожиданно сбивают меня с цели — я останавливаюсь и смотрю на толпу людей, окруживших странного человека в странном костюме и странной шляпе… у него на проволочном поводке скачет чучело собаки, по какой-то причине вызывавшее дикий восторг и умиление у зрителей… И у меня почему-то тоже… На мужчину в костюме смотрят люди из окон и с балконов домов — он устроил своё представление посреди улицы и принёс с собой какую-то дряхлую магнитолу… Он развлекает зрителей весёлыми фокусами, и я, неожиданно для

себя, начинаю улыбаться… а потом в моем спящем сознании всплывает слово «Флоренция»… Кто-то когда-то рассказывал мне об этом человеке… и я знаю, что он выступает в этом городе… я что… тоже — в этом городе?.. Нет… Не об этом я должна думать… моя цель — тоскующая душа, что зовёт моего хозяина. Я отхожу от площади, пятясь назад, затем разворачиваюсь и снова начинаю бежать…

Этот дом… он совсем близко! Я чувствую, что я рядом! Уже совсем скоро! Я ощущаю странный подъём — моё тело словно начинает петь в предвкушении, я…

Я вдруг замечаю, что рядом со мной (на моей же скорости!) мчится мотоцикл. Как давно он едет рядом? И как он может ехать наравне со мной?! Я резко останавливаюсь. В тот момент, когда я прекращаю бег, водитель железного монстра обгоняет меня и резко разворачивается, перекрывая мне узкий проход между домами. Его лицо мне тоже знакомо, но почему-то я не хочу его видеть; я слегка приседаю, готовясь к прыжку через железного монстра и его наездника, — но замираю, как только парень слезает с мотоцикла и встаёт передо мной.

Он тоже недоволен мной, как и тот, первый, — но его недовольство меня задевает. Почему оно меня задевает?..

В том проулке, где я оказалась по велению моего уснувшего разума, почти нет света; с неба льёт непрекращающийся дождь. Я стою, напряжённо глядя на этого, второго, и чего-то жду. Сама не понимаю — чего. Он тоже ждёт. И тоже напряжён. Но, в отличие от меня, он недолго смотрит мне в глаза, нет — его взгляд начинает опускаться вниз и долго изучает то, что было облеплено мокрым платьем. Он смотрит на моё тело…

— В отличие от Киана я не буду просить, — говорит он хрипловатым голосом.

Он не взволнован. Он просто слишком быстро ехал на мотоцикле в дождь. Я не знаю, что я чувствую по этому поводу.

Тем не менее, я нахмурилась: разве тот, первый, меня о чём-то просил? Я не помню этого. Помню властные интонации в его голосе, на которые он совсем не имел права. Просьбы не звучало.

— Тая, верно? — парень провёл рукой по мокрым волосам, убирая их назад.

Его лицо — очень красивое; я очень чётко понимаю, что он не оставляет меня равнодушной, а ещё понимаю, что ему безумно идёт быть мокрым… мокрым от дождя…

Его майка потемнела от влаги в том месте, где её не прикрывала чёрная кожаная куртка; из-под выреза той самой майки торчали края татуировок; в ушах блестел металл.

Он заставлял меня забывать про цель. Это плохо… это

неправильно… я должна идти, туда, куда зовёт меня…

— Нет!

Я застыла в ступоре от неожиданности. Он отдал мне команду?.. Так разговаривают разве что с домашними животными!.. Почему я об этом подумала?..

Я встряхнула головой и, легко оттолкнувшись от земли, прыгнула вперёд, желая оставить опасную преграду позади… как ощутила жёсткий хват на своей талии, затем резкий удар о землю, смягчённый мужским телом, и несколько переворотов по мокрому асфальту, амортизированных тем, кто сковал меня в своих объятиях.

Несколько секунд голова прояснялась… а затем я поняла, кто я, где я, и кто на мне лежит… Шон моментально вжал меня в асфальт, положив обе руки рядом с моей головой и тем самым — лишив меня какой-либо возможности на передвижение.

— Слезь с меня! — негодуя, воскликнула я и увидела, как в его глазах появляется лёгкое облегчение.

Но не от радости, что он удержал меня, а потому, что я, наконец, пришла в себя, и со мной можно было вести связный диалог.

— От тебя слишком много проблем, — сказал Шон, не торопясь выпускать меня из плена своего тела.

Он смотрел на меня, словно пытаясь разглядеть в моём лице нечто… Словно пытаясь найти в моих глазах, губах и скулах какие-то неведомые ответы на неведомые вопросы.

Не нашёл. Слез с меня, встал, отряхнул мокрую куртку, подумал пару секунд и подал мне руку. Я решила, что контакта с его телом на сегодня хватит, потому конечность проигнорировала и поднялась сама.

Осознание того, что произошло, медленно накрывало меня с головой. Чёрт, я сама себя пугала… И с чего я взяла, что всё это — сон? Моему сознанию что, было проще спрятаться за этой информацией?! Почему я не смогла осознать себя, как это было в прошлые разы?.. Или всё дело в том, как я устала за эти полмесяца?.. И как давно не выбиралась на свои… вылазки?..

— Ты идёшь? — вопрос Шона заставил меня вспомнить о его присутствии.

Я перевела на него взгляд.

Он думает, что я понимаю его? Буквально несколько часов назад между нами была языковая пропасть, при том, что мы вроде как разговаривали на одном языке… Что изменилось теперь?

Парень не стал дожидаться моего ответа, он подошёл ко мне вплотную и сказал негромким, завораживающим своей хрипотцой голосом:

— Я поеду с тобой или без тебя. Выбирай.

С губ готово было сорваться красное словцо с очевидным посылом, но я сдержалась. Прошла к его мотоциклу, остановилась, обернулась к нему в ожидании… Парень некоторое время молча смотрел на меня, затем, словно смирившись с чем-то внутри себя, прошёл к своему железному монстру, сел на него, снял куртку, подал мне, дождался, когда я недоверчиво натяну её поверх своего промокшего насквозь платья, и указал на место перед собой.

Насколько я знаю, пассажир должен сидеть сзади. Потому я нахмурилась и в нерешительности застыла перед мотоциклом, а когда всё ж-таки пересилила себя и собралась, было, занести ногу, чтобы устроиться перед Шоном, тот решительно произнёс:

— Нет. Не так.

Я вопросительно посмотрела на него. Парень сжал челюсть, по-видимому, раздражаясь от моей тупости, схватил меня за руку, разворачивая к себе лицом и потянул на сиденье.

— Но так не езд… — начала, было, я.

— Сядь! — раздражённо перебил Шон, затем, когда я всё-таки села, неожиданно протянул ко мне руки, быстро приподнял за ту часть, что была едва прикрыта мокрой тканью, и резко усадил к себе на бёдра.

Я даже удивиться не успела, как он так же грубо прижал меня к себе, вынуждая обнять его руками за талию, завёл мотоцикл и сорвался с места…

Мне ничего не оставалось, как прижаться к Шону всем телом, уткнувшись лицом куда-то между его шеей и плечом, и надеяться, что мы не разобьёмся, мчась на подобной скорости ночью, да ещё и в дождь! Это была моя первая поездка на мотоцикле, и сказать, что я была впечатлена — это ничего не сказать: ощущения были просто запредельными, учитывая, что я ехала спиной вперёд, да ещё и облепив малознакомого парня руками и ногами, как маленькая обезьянка. Через несколько минут я начала ощущать тепло от его тела и перестала тихо подрагивать от сырости и холода… Тело Шона было не просто горячим, оно грело, как солнышко. Жаркое, гладкое, дико сексуальное солнышко в татуировках… В какой-то момент мне даже удалось расслабиться и прикрыть глаза…

Меня с улицы подобрал парень моей мечты… мокрую, озябшую, босую… и теперь он мчит меня в свой особняк… мчит на железном коне, прижимая рукой к своему горячему телу…

Ну, все поняли, куда ведёт меня моя фантазия?..

Стоп! А когда он прижимать-то начал?!

Я открыла глаза, вдруг осознав, что мы давно приехали (или

недавно?) и теперь находились возле входа в поместье, продолжая сидеть на мотоцикле. Моё сердце начало отстукивать рваный ритм, а жар, что был сосредоточен лишь в тех местах, где моё тело соприкасалось с ним — затопил всю меня до основания.

— Проснулась? — Шон не спрашивал, он утверждал, затем выпрямился на ногах, поднимая меня на себе, перешагнул через байк и неспешно направился к входной двери.

— Я… — начала, было, я, не зная, как ему объяснить, что подобная поза не годится для вхождения в дом… и что нас могут неправильно понять… и что вообще — у меня есть две ноги, с которыми я до этого дня отлично справлялась, не путаясь в управлении — как меня заткнули одним единственным предложением:

— Ты пробежала босиком несколько километров в дождь — даже не думай, что я дам тебе пройти по полу.

Я замолчала. Я впечатлилась. Я дала себе зарок никогда больше не смотреть в сторону татуированных, красивых, обаятельных засранцев.

Меня внесли в дом, меня подняли на второй этаж, меня опустили в ванную, включили воду и вручили мне шланг от душа в руки.

— Раз ты отлично понимаешь меня — мне не нужно объяснять, что делать, — сказал Шон, затем отошёл на шаг и закрыл меня полупрозрачной занавеской.

Гадский гад.

Я стянула с себя мокрое платье, скинув его в раковину, направила на тело тёплые струи воды и едва не застонала от блаженства: сейчас, когда режим «Банши» был сведён на «нет», я очень чётко ощущала, как замёрзла… и как застыли мои ноги… чёрт! Надеюсь, я не почувствую все прелести простуды, когда проснусь завтра утром! Как надеюсь, что не обнаружу кучу синяков на своём теле, когда посмотрю на себя в зеркало!

Потому как, покатали меня по асфальту знатно…

— Где она? — голос Киана заставил меня вздрогнуть, а затем — не без беспокойства вспомнить о том, при каких обстоятельствах мы пересеклись в последний раз.

— Чёёёёрт, — уже вслух прошипела я и начала быстренько смывать с себя гель для душа.

— Она вся продрогла, и, кажется, сильно напугана, — я ослышалась, или это голос Шона? Того самого Шона, который не хотел, чтоб я своими продрогшими грязными ногами пачкала его паркет?..

— Почему она продрогла? Ты что, вез её без шлема, всю вымокшую — на большой скорости?.. Ты вообще в курсе, что,

если её кровь засыпает, она становится обычным человеком?!

— А я что, должен был её в плед укутать? Или зонтик с собой захватить? Я вообще не обязан за ней следить! Какого черта, Киан? Это твои проблемы! Она — твоя проблема! Не впутывай меня в это!

— Тая! — дверь в ванную открылась, судя по голосу — старшим братом.

— Я моюсь! Идите все на хрен! — завопила я, совершенно наплевав на все приличия.

Как ни странно, дверь после этого прикрылась.

А когда я, ведомая инстинктом самосохранения, выждала пару минут и, наконец, вышла в коридор, обмотанная полотенцем, — оба брата встретили меня хмурыми взглядами, стоя рядом с моей комнатой.

— Знать ничего не хочу! — сделав морду кирпичом и пройдя в свои «покои», сказала я, а затем — быстро закрылась внутри спальни.

— Тая, нам нужно поговорить, — через дверь обратился ко мне Киан.

— Тебе нужно вспомнить, зачем ты меня привёз, и на чьих плечах лежит обязанность следить за мной, — парировала я.

Выслушивать, как они высказывают друг другу претензии, не желая брать на себя ответственность, было просто смешно. И неприятно — чего уж тут…

— Я не думал, что тебя понесёт в первый же день, — чуть спокойнее ответил Киан.

— Ты о многом не думал, когда вёз меня в дом своего брата, — заметила я, вытирая волосы полотенцем.

А потом неожиданно чихнула… Нет-нет-нет! Только не это! Я не хочу болеть в Италии! Я хочу изучать Италию, хочу гулять по Италии, хочу общаться с итальянцами, но никак не лежать в кровати с температурой!

— Тая, ты простыла? — слегка взволнованно спросил Киан.

— Нет, блин, я прям лучусь здоровьем и хорошим настроением! — огрызнулась я, — И вообще — оставьте меня! Я хочу спать!

Через несколько секунд от двери кто-то отошёл — не стану утверждать, но, кажется, это был Шон. Через минуту звук повторился — должно быть, теперь сдался и Киан. А я просто упала на кровать и начала думать.

А поводов для думы было много…

Во-первых, что за Бог Смерти, о котором я вспоминала, пока бежала в бреду на зов чужого сердца? Во-вторых, почему именно меня он должен услышать? Мы как-то связаны? В-третьих — как

он выглядит? Если он вообще имеет какую-то форму… И что я буду делать в Ирландии, когда весь народ будет знать меня в глаза и при этом понимать — что если я появлюсь у их дома, то кто-то из семьи точно умрёт?!

Да будь я на месте тех людей, я бы дежурила у окна с дробовиком! Нет Банши — не придёт и Бог Смерти! По-моему, вывод очевиден! Ведь я отмечаю своим криком не абы кого, а конкретных людей, душа которых меня зовёт! Душа которых хочет вернуться к Создателю… Чёрт, всё это слишком сложно для одной хрупкой и маленькой меня!

Я ещё раз чихнула, с какой-то дикой тоской подумав о завтрашней температуре, соплях и всех радостях простуды, как дверь в мою комнату раскрылась, и внутрь вошёл Шон.

— Что, будешь сетовать о заразном воздухе в доме? Или сразу выселишь меня на улицу — чтоб глаза не мозолила? — проворчала я, прячась под простынёй и даже не успевая отреагировать на то, что дверь в общем-то была заперта…

— Ни черта не понимаю, что ты говоришь, — выругался парень.

Он подошёл к моей кровати, замер надо мной на пару секунд, затем резко наклонился, поднял на руки вместе с простынёй, в которую было завёрнуто моё тело, и вынес из комнаты.

— Что? Куда?! — пискнула я, испугавшись, что меня и впрямь понесли на улицу.

— Лучше закрой рот, иначе так и оставлю тебя в самой холодной комнате дома, — «по-хорошему» предупредил Шон, неся меня по коридору куда-то в другой конец крыла.

Так меня ещё и поселили в самой холодной комнате? Ну, спасибо! Киан просто душка — так обо мне заботится! Я аж прослезилась от его заботы! Да на его фоне хамство его младшего братика — милые недостатки! Этот меня из России нечестным путём не вывозил, по дороге не крал, жизнь не портил… ну, в общем и целом…

Так! А куда это меня несут?!.

— В моей комнате есть камин, — процедил Шон, внося меня внутрь очень странного помещения…

Я даже не сразу сообразила, что это и есть его комната, и что меня, собственно, в неё и несли… без моего на то согласия…

Стены здесь были чёрные, мебель из дорогого дерева или кожи… всё натуральное… огонь в камине — натуральный… занавески на окнах — льняные, плотные, практически не пропускающие свет… никакой техники, кроме какой-то музыкальной установки с мощными колонками…

А у парня реально — депрессия!

Зачем он меня сюда принёс? У камина посидеть — погреться?

А Шон тем временем довольно грубо уложил меня на огромную кровать, отошёл на пару шагов, взял с тумбы открытую бутылку пива и опустошил её почти на половину, не отрывая от меня недовольных глаз.

И до меня, наконец, дошло…

Это он так вину свою «искупает»! Чтобы не напрягать себя муками совести за то, что я простыла, (хотя какое там?.. Шон?! И муки совести?!..), мне позволили провести эту ночь в царских хоромах! Не удивлюсь, если мне…

— Пей, — вручили мне стакан с какой-то горячей терпкой по запаху жидкостью.

Да он просто мысли мои читает!

— Думаешь, таким образом карму подправишь? — невзначай спросила я, даже не думая удобно располагаться на его шикарной кровати.

Да и сложно это было сделать — он умудрился так замотать меня в простынь, что практически лишил свободы передвижения.

Шон словно понял, о чём я говорю, и недобро прищурился, глядя на моё лицо. То, что мы разговаривали на разных языках — теперь было очевидно. И по какой-то причине его «ирландский» я понимала замечательно! Хотя никогда не баловала себя изучением иных иностранных языков, кроме английского…

— А как твоя ненаглядная девушка отнесётся к тому, что я здесь ночую? — даже не надеясь, что меня поймут, но продолжая изливать на него свой яд, так же невзначай спросила я.

Однако, что-то в моих интонациях навело Шона на верную мысль о моём подколе. Он подошёл к кровати, нагнулся надо мной и с предостережением прошептал:

— Даже не надейся, крошка. Ты здесь только на одну ночь.

В ответ на эти слова я готова была зашипеть, как кошка, — но сдержалась.

Отхлебнула дивной жидкости из стакана, оказавшейся каким-то донельзя любопытным отваром из неизвестных мне трав, имбиря, мяты, мёда и лимона, и, отставив кружку в сторонку, подтянулась на локтях, приближаясь своим телом к нему, и выдохнула в губы:

— Мудак.

Прозвучало почти нежно. Шон нахмурился, пытаясь понять смысл фразы, а я безмолвно ликовала — теперь я могла крыть его с головой, абсолютно не переживая из-за перспективы быть понятой! О, как это тешило моё самолюбие!

— Сейчас ты, должно быть, думаешь, что я тебе сказала? — продолжила я томно, — Ломаешь голову, что за слова можно

произнести с такой интонацией? — я немного отклонила лицо, касаясь тёплым дыханием края его губ, — Так вот иди ты к чёрту вместе со своей не сгорающей подружкой, — почти ласково закончила я.

Хотела сказать больше, но понимала — глаза и интонация выдадут меня со всеми потрохами. А Шон словно почувствовал, что я на пределе (том самом пределе желания послать куда дальше, чем в просторы адова пламени): он отстранился от меня, продолжая вглядываться в моё лицо своими глазами с расширившимися (и совсем не от злости) зрачками, а затем и вовсе выпрямился над кроватью.

Ничего не говоря, взял с тумбы свою недопитую бутылку, подошёл к стене, вырубил свет и закрыл за собой дверь — с другой стороны.

Козёл.

Прошло несколько минут, прежде чем я, наконец, почувствовала, что мое тело расслабляется. Думать о том, когда оно успело так зажаться? — уж не от его ли близости? — совсем не хотелось. Но факт оставался фактом: каким-то образом этот невоспитанный ирландец умудрялся заводить меня одним своим присутствием. И заводить во всех смыслах — то есть злить, бесить, раздражать, вызывать желание и все связанные с этим недалёкие мысли…

Когда я, наконец, смогла задремать, а было это уже совсем поздней ночью, дверь в комнату открылась и внутрь вошёл не совсем трезвый Шон. Он некоторое время стоял надо мной, словно вспоминая, как «это тело» оказалось в его постели, затем медленно разделся, обошёл кровать и лёг с другой стороны. Должно быть, наличие алкоголя в крови повлияло на него, заставляя забыть о наличие других спальных мест в доме, — никак иначе его приход сюда я объяснить не могла. С чего бы ему ложиться со мной? Да я была уверена, что он постирает постельное бельё с каким-нибудь дезинфицирующим средством, сразу же, как только пропоют первые петухи — вернувшись в спальню в самую раннюю рань и заставив меня встать и переться обратно к себе в комнату…

Однако, парень забрался под одеяло и быстро отключился, вынуждая меня напряжённо замереть, вслушиваясь в его равномерное дыхание.

И впрямь — спит. Лежать на невероятно удобной кровати сразу стало неловко.

Какого рожна?! Я итак с трудом смогла заставить свой мозг успокоиться — после всего, что сегодня произошло! Но как я смогу заснуть теперь, когда он рядом?! Я перевернулась на спину

и… отключилась в следующую же минуту — должно быть, для моего истощённого всеми переживаниями организма, это был уже перебор.

Проснулась я с чётким ощущением, что мне нужно на улицу. Прямо сейчас. Мне просто необходимо направить хозяина туда, где плачет, обливаясь кровавыми слезами, чье-то тоскующее сердце… Я даже сделала попытку приподняться, как ощутила на своей груди тяжёлую горячую руку. И нет, эта рука и не думала ласкать мою грудь — она просто тупо пригвоздила меня обратно к кровати, а сонное и хриплое: «Нет», окончательно убило надежду выбраться из плена. И, кажется, моя вторая сущность каким-то образом… впечатлилась действием Шона. По крайней мере, она послушалась его и заснула вместе со мной — до поры до времени…

Третье моё пробуждение состоялось уже ближе к полудню… От простуды не осталось и следа. Чувствовала я себя вообще замечательно, учитывая теплое тело, пристроившееся ко мне сзади, и ровное горячее дыхание, ласкавшее мою шею, повернутую к тому самому обладателю теплого тела… Мне было так хорошо, что я даже не хотела открывать глаза, я просто лежала, ни о чём не думая, и лишь спустя несколько минут поняла, что что-то здесь не так… У меня не было времени на личную жизнь уже пару месяцев. У меня не было партнёра в постели. У меня не было даже друга для секса. Так кто сейчас лежит за моей спиной, упираясь в моё бедро своим немалым достоинством и мирно посапывая мне в шею?!

Медленно открываю глаза и едва не начинаю стонать от ужаса! Или не от ужаса… Как два совершенно противоположных чувства могут разрывать голову и тело — одновременно?! Тело моё было уверено в том, чего хотело, а голова со всей очевидностью понимала — «это» не просто усложнит наши и без того сложные отношения. Это усложнит всю мою жизнь! Как, в конце концов, я вообще смогу после «этого» смотреть на других парней? Да после Шона все будут казаться невразумительной серой массой… Он был невероятно сексуален. Лёгкая щетина на щеках, ярко выраженные скулы, красивый нос, чувственные губы, слегка приоткрытые во сне… губы, которые сейчас касались моей шеи… и как я вообще так извернулась?! Понимаю, что мне все сложнее находится в той позе, которую выбрало моё тело под самое утро… А так же понимаю, что хочу рассмотреть его татуировки на плечах, тянувшиеся к ключице с обеих сторон… Я слегка поворачиваюсь, с некоторым изумлением обнаруживая, что моя талия перевита его рукой (насколько комфортно мне было, что я даже не ощущала этого?), и пытаюсь лечь на спину —

как меня резко притягивают обратно, заставляя всем телом ощутить всю силу мужского желания… Нет, в такой позе я точно долго не выдержу! Я тоже не железная!.. Вновь пытаюсь аккуратно отстраниться — за что получаю ощутимый укус в плечо с общим посылом «лежи, не двигайся», а рука на моей талии сжимается с такой силой, что едва позволяет мне дышать… Он что, реально меня укусил?! Я попыталась припомнить тот самый момент, когда его губы и зубы сомкнулись на моей коже… и меня бросило в жар!

— Шон, я так не могу! — едва не простонала я, прикусывая губу.

Лежать с ним рядом и чувствовать его желание — было невыносимо. Ещё более невыносимо было понимать, что ответить на это желание я просто не имею права. У парня утренняя эрекция. Он вряд ли понимает, что вообще сейчас творит со мной.

— Бека… — сквозь дрёму прошептал Шон, утыкаясь носом в мои волосы, а меня как холодной водой окатило!

Бека? Так вот как зовут ту не сгорающую ведьму, приворожившую к себе сей завидный экземпляр?

Я сжала челюсть и положила ладонь на его руку, затем подняла конечность вверх, освобождая себе проход, и уверенно остановила потянувшееся ко мне тело, уперев вторую ладонь в его грудь.

— Шон, — мой голос заставил парня открыть глаза и с неким удивлением и даже растерянностью посмотреть на меня.

О, как он был мил в этот момент! И как зла была я…

— Ты? — хриплым голосом поинтересовался он.

— Я, — припечатала его я, затем поднялась с кровати, еще не очень соображая, как мне ко всему этому относиться, да и вообще, как теперь себя с ним вести, как почувствовала взгляд… любопытный взгляд… нет… я бы даже сказала — оценивающий взгляд.

Поворачиваюсь к парню, лежащему на кровати, и с ужасом осознаю, что на мне из одежды — одни кружевные трусики… Я. Стою. Голая. Перед. Ним.

Рука мгновенно метнулась к груди, отчего глаза парня с едва заметным недовольством прищурились. Ему нравилось смотреть на меня?.. Так! Стоп! Это совсем не тот вопрос, который я должна была себе задать! Намного важнее — как я оказалась без одежды?! Потом вспоминаю вчерашнюю простуду, свой поход в душ, прятки в спальне от Киана, падение на кровать и… неожиданный приход Шона.

ВСЕ МОИ ВЕЩИ ОСТАЛИСЬ В ТОЙ КОМНАТЕ!

— Я вижу, ты чувствуешь себя лучше? — всё ещё хриплым

после сна голосом поинтересовался Шон.

— Да, — кивнула я, стараясь не смущаться от своих вида и позы и намереваясь выразить свою благодарность за сон в тёплой комнате и за лечебный отвар, обладавший какой-то воистину волшебной силой… как поняла — моих слов он не разберёт.

Так что можно ограничиться простым кивком.

— Возьми мою футболку, — кивнув на шкаф с вещами, сказал парень, и в его голосе не было ни презрения, ни великодушия. Скорее напряжение. И интерес.

Я беззвучно прошла к предмету мебели, достала первый попавшийся предмет одежды и натянула на себя. Это оказалась белая майка с каким-то модным принтом, смотревшаяся на мне, как мини платье для прогулок по Тайланду, и весьма провокационно демонстрирующая часть моей груди, причём не спереди, а по бокам…

— Тебе идёт, — усмехнулся Шон с донельзя довольным видом и каким-то лениво-высокомерным выражением на лице.

— Спасибо, — процедила я, понимая, что ещё одна реплика — и хрупкому миру придёт конец.

Мне было стыдно. И неловко. И вообще!..

Чего это он так скалится?! Словно одевать своих женщин с утра — его тайный фетиш.

Я резко развернулась и быстро дошла до двери. Не хочу об этом думать!!!

— А ты ничего… — донеслось самодовольное из-за моей спины…

И это было концом!

— А ты — мудак! — уже не скрывая интонаций в голосе, с чувством ответила я и скрылась за дверью, сопровождаемая тихим, но оттого не менее самодовольным смехом.

Как пробиралась до своей комнаты — отдельная история. В каждом тёмном углу мне мерещился Киан! Киан, видящий меня в майке Шона; Киан, чувствующий (уж не знаю, каким образом) — что между мной и Шоном произошло; Киан, с немым изумлением и лёгким укором в глазах замечающий красноту моих щек, шеи, груди… да я вся пылала! И простой проход по коридору настолько вымотал меня эмоционально, что в итоге, подойдя к своей комнате, я четко поняла — не туда мне надо. Мне срочно нужно в душ! СРОЧНО! Смыть с себя запах Шона, смыть с себя мысли о Шоне, смыть с себя всю прошлую ночь и всё сегодняшнее утро! И желательно переодеть майку Шона — но об этом я вспомнила, лишь закрыв за собой дверь в ванную комнату…

Чёрт.

Ну, да ладно, самое важное сейчас — забраться под струи

прохладной, освежающей тело и голову, воды и придумать, как следует вести себя дальше.

Если по совести, я чересчур спокойно воспринимаю тот факт, что я понятия не имею — что со мной будет в ближайшем будущем. Меня хотят отвезти в Ирландию? Славно. Насколько я поняла, к тому моменту, как я дотуда доберусь, никто из моих нынешних знакомых не узнает меня в лицо… Боюсь, даже моя кровь мне изменит — если я вздумаю подтверждать свою личность с помощью врачей и своей медицинской карты… А, возвращаться в Россию — чревато смертью… Ну, или не смертью, а существованием в виде духа, не имеющего ни работы, ни дома, ни семьи. А духам вообще нужна семья?..

Короче, путь в Россию мне заказан; так что выход остаётся один — плыть по течению и надеяться, что это течение вытечет к роскошному особняку в Ирландии, почёту среди мирного населения, всеобщей любви и банковским счетам, полным денег: в конце концов, насколько я поняла, я под патронажем знатной и обеспеченной семьи.

Кем-кем, а приживалкой я ещё точно не была… Что ж — всё когда-нибудь происходит в первый раз. Но осознавать, что моя жизнь теперь зависит от малознакомого мужчины и всей его семьи, было крайне непривычно. И странно…

Я вытерла тело неизвестно чьим полотенцем (моё-то осталось в моей спальне), натянула на себя мужскую майку, пару раз встряхнула волосами и вышла из ванной комнаты, тормоша их пятернёй — чтоб быстрее высохли. Фены я признавала только до тех пор, пока у меня не появилась роскошная копна абсолютно белых волос! Хоть какой-то плюс от всего этого фольклора…

И вот иду я на цыпочках (ибо стопам прохладно) по коридору, подсушиваю свою прелесть рукой, приподнимая волосы у корней; впереди маячит комната Шона, моя комната — ещё дальше… и вдруг упираюсь взором в шикарную просто-нереально-красивую бабёнку модельной внешности с черными волосами, невероятно длинными ресницами, карими глазами и надутыми (уж не знаю, от инъекций ли, или от характера) губами… Одета эта бабёнка была похлеще меня — в мини-мини джинсовые шорты и мини-мини черный топ… скорее — полосочку ткани на груди.

Моделя остановилась, как вкопанная, медленно провела взглядом по всей моей фигуре, задерживая его на майке, и глаза её засверкали таким праведным гневом, что мне стало как-то резко не по себе.

— ШОН! — завопила эта ненормальная, нереально красивая бабёнка, а позади неё неожиданно вырос Киан со словами:

— Бека, я тебя предупреждал, что ты не имеешь права врываться в чужой дом без предупреждения!

— Он купил этот дом, чтобы быть ближе ко мне, и ты это прекрасно знаешь! — высокомерно сказала девушка, со всей очевидностью — на ирландском.

Потому как понимать все языки мира мне вряд ли подфартило…

Киан недовольно сощурился, глядя на модель, а по совместительству — бывшую девушку его брата (бывшую, потому что на «настоящих» песню со словами «я хочу смотреть, как ты горишь, сука» — не ставят), а затем перевёл взгляд на меня. И, как ни странно, задержался тем самым взглядом аккурат в том же месте, где и Бека… То бишь на майке Шона.

В этот момент дверь в заветную комнату открылась, и в коридор вышел полуголый, в одних джинсах, обладатель звания «я раздаю свои майки направо и налево» …

Пауза была просто фееричная.

— Бека? — лёгкое удивление на лице Шона.

— Кто это?! — истерично-указующее перстом на меня — от его бабёнки.

— Что происходит? — озадаченное — от Киана.

— Какого чёрта, детка? — Шон провел рукой по своему лицу, пытаясь прогнать остатки сна, — Ты же сама всё закончила. Какого хрена ты заявляешься в мой дом и что-то предъявляешь?

Вопрос резонный. Но это его «детка»!.. Рррр!

— Мне кажется, вчера по телефону я ясно выразилась, что не бросаю тебя! Что даю нам второй шанс! Так почему, объясни мне на милость, я вижу эту потаскушку, бредущей утром в твою комнату в твоей майке после душа?! — её голос совался на визг, — Где ты её подцепил?! В очередном модельном агентстве?!

Ого! А Беку-то похоже именно там и подцепили!..

Она обозвала меня потаскушкой?

— Хватит ебать мне мозг! Мы разошлись, ты сама этого хотела! Какого дьявола ты устраиваешь мне сцены ревности?! — Шон мгновенно завелся и теперь выглядел довольно угрожающе, — Где захотел, там и подцепил. Тебя это больше не касается.

— Вообще-то меня никто нигде не подцеплял, ну, разве что Киан — да и то, это было в России, — для справедливости заметила я, после чего в коридоре установилась гробовая тишина, а шесть пар глаз уставились на меня.

— Она ещё и иностранка?! — негодование Беки вышло на совершенно новый уровень; её идеальное лицо выдало мне такую степень презрения к моему ничтожеству, что мне как-то сразу

стало стыдно.

Хотя — вот за что, мать её за ногу?!.

— Ты что, специально выбирал такую, слов которой в жизни не поймёшь?! Чтоб вообще не нужно было разговаривать? — вновь уперев в меня свой указующий перст, возопила Бека.

— Разговоров с тобой ему явно хватило на две жизни вперёд, — заметил Киан, с лёгкой ухмылкой глядя в пол.

— Это всё ты, да? — Бека тут же набросилась на старшего брата Шона (естественно не с кулаками, но с невероятным уровнем агрессии в словах! Если бы они могли бить, то Киан лежал бы с дырой во лбу…) — Ты ведь так хотел, чтобы мы расстались, чтобы Шон вернулся обратно в эту чёртову Ирландию!

— Не смей называть нашу общую родину «чёртовой», — спокойно предупредил Киан.

Они все из Ирландии?.. Ну, естественно, они все из Ирландии…

— Значит, всё-таки ты, да? — на лице Беки появилась понимающая улыбка… смотрелось это жутко — учитывая разъярённое выражение самого лица, — Всё ещё веришь, что вернёшь его, не так ли? Но он мой! МОЙ!

— Вы вроде как расстались, — напомнил Киан, получая откровенное удовольствие от провоцирования этой девицы.

— Если я захочу — мы снова будем вместе! — заявила Бека, как Шон не выдержал…

— Хватит! — рявкнул он, и лицо его приобрело настолько властное и угрожающее выражение, что даже я впечатлилась, — Бека, — он посмотрел на свою бывшую, отчего та едва заметно сжалась, — «Нас» больше нет. И это ты поставила точку в отношениях.

— Я не думала, что ты воспримешь это всер…

— Закрой рот! — властно перебил девушку Шон, — Ты ебала мой мозг несколько лет. Я устал.

— Что?.. — недоверчиво переспросила Бека.

— Я поеду в Ирландию с братом, — глядя ей в глаза, сказал парень, — Если это — единственный способ отделаться от тебя хотя бы на время, я воспользуюсь им. Мне нужна передышка. От твоих истерик, от твоей ревности, от твоих амбиций, от тебя, наконец!

— Ты что, серьёзно говоришь мне всё это? — недоверие на лице Беки соперничало по превосходству с высокомерием, — ТЫ бросаешь меня? ТЫ? Да куда ты денешься?! Не пройдёт и недели как прибежишь ко мне побитым щенком!

— Такие слова не красят девушку, даже если она — ведущая

модель известного агентства, — заметил Киан, доселе молчавший и с всё той же лёгкой улыбкой на губах наблюдавший за разборкой парочки.

Кажется, он был весьма доволен выбором своего брата. Нет, не кажется. Он был очень доволен.

— Пошёл ты, грёбаный консерватор! — фыркнула Бека, — У тебя не получится удержать Шона в вашем раздолбанном поросшем мхом домишке!

— Это ты про наш фамильный замок? — не переставая улыбаться, поинтересовался Киан.

— Пошла отсюда вон, — негромкий голос Шона заставил меня поёжиться и непроизвольно отступить.

Бека тоже отступила, во все глаза глядя на парня.

— Ты глухая? — Шон медленно поднял голову и посмотрел девушке прямо в глаза, — Пошла вон.

— Ты ещё пожалеешь… — изумлённо прошептала Бека, — Когда будешь приползать ко мне, я не открою перед тобой дверь! Будешь лежать на пороге и тихо скулить, просясь внутрь!

— Скорее я перетрахаю всё ваше модельное агентство, — недобро усмехнулся Шон, — И поселюсь с тобой по соседству, чтоб ты каждую ночь слушала, как я имею всех твоих так называемых подруг.

Глаза Беки округлились от шока. Она даже рот открыла от удивления. Насколько я успела понять из их разборки, до этого дня все обвинения в «изменах» были беспочвенными. Что ж — терпение парня тоже не бесконечно. Могу его понять…

— Лучше не возвращайся, слышишь? Сдохни в своей гребаной Ирландии, чёртов мудак!!!

И с этими словами она развернулась и побежала к лестнице. Звонкое цоканье её каблучков и громко хлопнувшая дверь возвестили нас, что известная модель покинула поместье.

— Ты что, не мог остановить её на входе? — спокойно и как-то устало спросил Шон.

— Каким образом? — с любопытством поинтересовался Киан, — Перехватил бы за талию и вынес за дверь? Так она бы мне судебный иск всучила — за домогательство. Мы это уже проходили. С тобой.

Вот сука! И как Шон терпел её всё это время?!

— Я знаю её с детства, — глядя туда, где скрылась фигура его бывшей, сказал тот.

— Люди меняются. Италия и модельный бизнес сильно изменили нашу Беку. Теперь она уже не та.

— Со мной она оставалась прежней, — холодно ответил Шон.

— В какой момент? Когда ты её трахал? Или, когда вы оба

спали? — издёвка в словах Киана читалась в открытую… зачем он так?

— Пошёл ты, — беззлобно отмахнулся Шон.

— А теперь объясни мне, как человеку остро любопытствующему, почему на нашей Бошенте твоя майка? — очень спокойно и даже почти дружелюбно поинтересовался Киан, — Ты что, успел с ней покувыркаться?

— Ты ведь в курсе, что она тебя понимает? — так же спокойно спросил Шон, посмотрев на брата.

Киан перевёл взгляд на меня…

А моё лицо в тот момент нужно было видеть…

— Я ошиблась… — медленно и скорбно сообщила я, — считала главным мудаком безобидного несчастного барашка. А титул «Главного придурка Всея Семья» по праву принадлежит старшему брату.

— Тая… — осторожно начал Киан.

— Хотел всеми правдами и неправдами вернуть его на родину? — я кивнула на Шона, изумляясь хитрости ирландца, — Привёз меня сюда, зная, что я здесь третья лишняя, заставил его следить за мной, прекрасно понимая, насколько ревнива и вспыльчива его подружка… Бог мой! — я едва ли руками не всплеснула, — А как тебе подфартило с моей простудой! Да ты же был уверен, что мы переспим!

— А вы не переспали? — склонил голову ирландец.

— Нет, — с большим удовольствием сообщила я.

— Это хорошо, — искренне ответил тот, чем неимоверно меня удивил, — Да, мне необходимо было вернуть брата на родную землю, потому что то, что там сейчас будет происходить, благодаря Тебе — требует его обязательного присутствия.

— И что же там будет происходить? — напряглась я.

— Какого вы разговариваете на другом языке? — сложив руки на обнаженной груди, спросил Шон.

— Киан?.. — нервно переспросила я.

— И да, его шизанутая подружка мне мешала, потому что она скрутила его своими путами, лишила воли, трезвого рассудка и вообще каких-либо жизненных ориентиров. Так что да, я рад, что всё так произошло, — уверенно и непоколебимо закончил Киан, вынуждая меня замереть с широко раскрытым ртом.

— Ты меня использовал! — выдохнула я.

— Ты нужна мне. Нужна всей нашей семье. Как нам нужен и Шон. Он должен быть рядом со мной, когда мы начнём творить историю! — глаза мужчины полыхнули странным огнём.

— Какую на хрен историю? — едва слышно протянула я.

— Я тебе уже говорил — ты связана с нами. Связана с

носителями древних кровей ирландской земли.

— Ты можешь говорить на нашем языке? — не выдержал Шон.

— Ты всё равно не поймешь ни слова из того, что она ответит! — Киан посмотрел на своего младшего брата.

— Зато я пойму, о чём говоришь ты! — отрезал Шон.

— Что здесь происходит? — по слогам спросила я, глядя на Киана, — Я должна понимать, во что ты меня втягиваешь!

— Успокойся, Тая, ты ведь знаешь, я не причиню тебе вреда, — ответил тот, поднимая руки в защитном жесте.

А я поняла… что не хочу успокаиваться! Здесь творится что-то, к чему я была не готова! На что я не подписывалась! Я очень чётко ощущала это сейчас, когда чувствовала, как моя кровь просыпается, реагируя на присутствие двух чистокровных ирландцев… раньше она просыпалась только от зова… Неужели она готова предвестить чью-то смерть?

— Что с ней? — удивленно спросил Шон.

— Её кровь просыпается, — с одобрительной улыбкой сообщил Киан.

— Но отчего? — нахмурился Шон, затем подошёл ко мне и уверенно произнёс, глядя в глаза, — Здесь некому умирать, успокаивай свою вторую половину!

Смелый.

Я лишь положила ладонь на его грудь, как тело парня отлетело в стену.

— Тая, — нахмурился Киан и, словно в замедленной съёмке, рванул ко мне…

Мне не нравится, что мной пытаются управлять. Мне не нравится, что меня втягивают в непонятную мне игру. Мне не нравится, что меня хотят использовать для неизвестных мне целей. Я ПОДЧИНЯЮСЬ ТОЛЬКО СВОЕМУ ХОЗЯИНУ!

Я развернулась к Киану всем телом, открыла рот и завопила со всей силы!

Мой крик сотряс всё здание: стены завибрировали, окна затрещали; мужчины вмиг попадали на пол, зажмуриваясь и закрывая уши в попытке защититься от моего недовольства…

Когда воздух в моих лёгких закончился, я закрыла рот и, предостерегающе глядя на братьев, отступила на шаг.

— Слава Богу, это закончилось, — прохрипел Киан, лежа на полу с мокрым от пота лицом.

— Какого хрена это вообще начиналось? — в ответ прохрипел Шон, — С какой стати она закричала?

— Наша девочка недовольна тем, что не знает, во что её втягивают, — прокашлялся Киан, со странной, отчего-то весьма

довольной улыбкой на губах.

— Так может, стоит её просветить? — Шон попытался подняться на ноги, но остановился на уровне «сидя».

— Всему своё время, — Киан тоже попытался подняться, но у него получалось гораздо хуже — всё же мой гнев был направлен именно на него.

— Он придёт за нами? — неожиданно спросил Шон, подняв взгляд на меня.

— Нет, — Киан покачал головой, о чём тут же пожалел, — наша девочка просто показала характер, — простонал он, держась за виски.

— На её фоне Бека — безобидная зверушка, — хмыкнул Шон и выпрямился во весь рост, продолжая смотреть мне в глаза.

Это что, был комплимент?

— Ты довольна? — Киан поднялся вслед за братом и отряхнул одежду.

— Буду довольна, когда вы расскажете мне, что происходит, — сухо сказала я, ощутив, что кровь успокоилась — крик выплеснул из меня всю накопившуюся агрессию.

— В самолёте расскажем, — безапелляционно заявил ирландец, — А сейчас иди и оденься во что-нибудь поприличнее развратной майки моего братца.

Я вмиг вспомнила, что на мне надето, и, вспыхнув до корней волос, резко развернулась в сторону своей комнаты и припустила по коридору.

— Женщины… — раздалось мне вслед.

Да — женщины! А что, есть претензии к иерархии моих приоритетов? Так вот, в приоритете — стоять и выяснять свою дальнейшую судьбу, одетой, как минимум, в комплект нижнего белья и платье!

Я забежала в комнату, быстро достала из чемодана новой сарафан, быстро оделась и… села на кровать. Хочу или не хочу — но я полечу с братьями в Ирландию. Мне просто жизненно необходимо понять — что происходит с моей жизнью, и насколько неотвратимы последствия моей так некстати проснувшейся крови? А ещё нужно выяснить, чего от меня хочет Киан? Совершенно очевидно, что его планы… далеки от благотворительности. То есть, привозить меня на родину, чтобы я не умерла и смогла выполнять свои обязанности на радость всех местных жителей, он не собирался.

То, что он задумал… было намного более дерзким, чем возрождение древних традиций.

Я чувствовала это.

И, откровенно говоря, мне это очень не нравилось…

Часть 3. Тот, кто идёт следом

Когда я выбралась из своей комнаты, гонимая чувством голода, был уже поздний день. Всё это время я потратила на поиски в интернете информации о славной стране Ирландии; я всегда мечтала там побывать, даже продала туда пару туров, но никогда не углублялась в изучение, и, тем более, понятия не имела, где там может располагаться фамильный замок семьи Киана… Что ж, ни Гугл, ни Яндекс не помогли мне в этом вопросе, поскольку я не знала ни адреса, ни названия замка, ни его хотя бы приблизительного местонахождения… Короче, убила несколько часов, успокаивая свои нервы рассматриванием картинок с зелёными просторами и зелёными леприкончами на фоне тех самых зелёных просторов; а когда в моих глазах уже зарябило от зелени, я поднялась с кровати, поставила телефон на зарядку, вышла из своего убежища и спустилась вниз.

И тут же пожалела об этом — поскольку, стоило пройти в гостиную, как я тут же наткнулась на Шона. На очень нетрезвого Шона, сидевшего на диване с пустым взглядом, направленным на экран широкоформатной плазмы…

Я решила не здороваться, и вообще — тихонечко пройти мимо… но путь мой пролегал прямёхонько между телевизором и тем самым окаянным диваном, так что, когда я неожиданно оказалась в руках молодого нетрезвого ирландца — я уже просто беззвучно ругалась, даже не надеясь отвязаться без последствий…

— Куда полетела, фея? — немного замедленным, но оттого не менее сексуальным голосом вопросил Шон.

— На кухню; я голодная, — сухо сообщила я, а затем вспомнила, что меня не поймут, и закатила глаза — что не укрылось от взгляда парня.

Вот только понял он меня неправильно…

— Из-за тебя я поссорился с Бекой, — взяв меня за тыльную сторону шеи, сказал Шон, вынуждая смотреть ему в глаза.

— Ты поссорился с ней, потому что она — высокомерная сука, и не знает, когда нужно заткнуться, — уверенно глядя на него, спокойно ответила я, — Меня в это вмешивать не нужно.

С пьяными вообще нужно разговаривать очень спокойно…

— Это просто охренеть, как круто — что я ни черта не понимаю из того, что ты говоришь, — склонив голову, неожиданно заметил парень, приблизив моё лицо к своему.

— Тогда смысл бросаться фразами? — я попыталась слезть с его колен, но не тут-то было, — Отпусти меня.

— Ты же хочешь меня, — он продолжал цепко удерживать

меня на месте, в то время, как вторая его рука уверенно устроилась на моей спине — фиксируя тело, — Я вижу это по твоим глазам. Сколько вас, доступных и не особо умных… — он с горечью усмехнулся, — Чёрт… А сколько готово было прыгнуть ко мне в постель, но я, как последний дебил хранил ей верность! — на этих словах он сжал в кулак мои волосы, а на лице его появилась та самая опасная агрессия, что вынуждала меня осторожно пятиться от него этим утром… — Вот объясни мне, почему ей проще поверить, что я перетрахал пол города, чем в то, что я дорожил нашими отношениями?

— Может, потому что она сама была не так невинна? — негромко спросила я, глядя ему в глаза.

Шон долгое время молчал, отвечая мне тяжелым взглядом. Он словно понял, о чём я говорю, и теперь вынуждал меня сжиматься от внутренних противоречий: я сочувствовала парню, но также — меня распирало от радости, что у них с Бекой всё закончилось. Да, он тот ещё грубиян, и манерам ему необходимо подучиться, но он был честен в своей привязанности и искренне переживал из-за разлада с бывшей возлюбленной… И это бесило меня и восхищало в нём — одновременно.

Такие мужчины на улице не валяются; я понятия не имею, чем Бека сумела его околдовать, но то, что творилось на дне глаз этого ирландского парня… Чёрт, эта девица — просто идиотка, что не сумела оценить того, что было у неё в руках. И как бы я хотела, чтобы эта страсть в нём просыпалась от взгляда на меня, а не от мыслей о ней…

Мы замерли, напряженно глядя друг на друга.

И Шон, и я — мы оба понимали: то, что может сейчас произойти — это будет неправильно. Неправильно по многим причинам. И пусть я готова была послать эти причины ко всем чертям… всё же я медленно отстранилась, аккуратно слезла с колен парня, оправила сарафан и, в последний момент оторвав от него глаза, развернулась и пошла на кухню. Шон меня не остановил — он так же напряжённо, как и я, следил за моим отстранением, а, когда я оправляла платье, каким-то жадным взглядом проводил движение моих рук… и резко отвел глаза, вернув внимание экрану.

Таяяяя… ты — героиня.

Пожалуй, воздвигну себе памятник, как только появится лишняя пара тысяч евро в кармане…

Я дошла до холодильника, достала сыр с прошуто, свежие листья салата, какой-то соус, лимон, из хлебницы вытащила свежий багет (или как это у них называется?), поставила чайник и начала варганить себе бутерброды. Через десять минут мой

желудок урчал от удовольствия — что ни говори, а только европейские продукты обладают тем самым неповторимым вкусом, той самой свежестью, какой я никогда не наблюдала у товаров нашего российского производства. Сколько не бывала в Европе и каждый раз поражалась, насколько разный вкус даже у той же зелени… Не говоря о сырах, морепродуктах и мясе…

Кстати о морепродуктах — их я тоже подточила, совершенно не стесняясь, что объедаю кого-то из братьев. В конце концов я — почетный гость в их доме. Легендарная Бошента. И пусть весь мир подождёт! — бугага!

Но я увлеклась. И не заметила, как в дом вошёл Киан, собственной персоной.

— Тая, мы вылетаем сегодня вечером, — сообщил старший брат семьи… кстати, а какая фамилия у этого славного семейства?

— Назови свою фамилию, — указав на мужчину вилкой, потребовала я.

— О'Брайен, — на губах Киана обозначилась едва заметная усмешка.

— Хм… — я прожевала очередную креветку и отхлебнула чая из кружки, — Я думала, ты какой-нибудь О'Коннор или МакДоннел…

— Разочарована? — Киан поднял одну бровь.

— Нет. Мне нравится, — честно ответила я, мысленно примерив на себя название рода. Нет, с именем как-то не идёт… — А моё имя как-то изменится в зависимости от вашего произношения?

— Таиссия… довольно необычное для Ирландии имя. Скорее тебя будут звать созвучным — Тоириса. Или Триса, что в переводе с нашего языка обозначает — жница.

Чёрт. И почему я не удивлена…

— Тебе не понравился перевод? — с пониманием усмехнулся Киан.

— Нет. Я вспомнила, что в детстве моя прабабка звала меня Трисой… — пробормотала я, с какой-то дикой тоской подумав о том, что ирландец не врал, когда говорил, что кто-то из моих предков был родом из Ирландии… — И как скоро мы вылетаем? Я так понимаю, любоваться красотами Италии мне так и не дадут…

— Полюбуешься красотами Ирландии, — вновь усмехнулся Киан, а потом лицо его стало серьёзным, — Я рад, что ты пришла в себя.

— А что мне оставалось? — так же серьёзно спросила я, — Оглушить вас своим криком и убежать в неизвестном направлении? Ну, нашли бы вы меня в каком-нибудь

винограднике, привезли бы обратно — ничего бы от этого не изменилось.

— Ты не пленница здесь, — спокойно сказал Киан.

— Да, я — почётная гостья, кровью прикованная к вашему клану, — я растянула губы в кривой улыбке и поднялась из-за стола, — Мне стоит собираться?

— Да, самолет сейчас готовят к вылету, — как-то механично кивнул Киан, выходя из кухни.

— Самолет? Мы полетим на частном самолете? — недоверчиво переспросила я, а, когда поймала крайне многозначительный взгляд старшего из братьев, только покачала головой: — Есть ли предел у вашего влияния?

— Есть, — абсолютно серьёзно кивнул ирландец, — но с твоей помощью мы его уничтожим.

Мне не потребовалось много часов на сборы — мой чемодан так и не был разобран, о чём я не забыла напомнить упрямому ирландцу. Раз десять.

В те оставшиеся часы в доме мне было проще общаться с ним, нежели с его младшим братцем… Но, как я ни старалась заполучить от Киана хоть какую-то информацию относительно его планов на меня… он оказался стоек. И до самого нашего приезда в аэропорт, мастерски выводил разговор в нужное ему русло, а именно — рассказывал о правилах поведения в их фамильном замке. Насколько я смогла уяснить из его речей, главной в их семье считалась мама. Анора. На мой вопрос «какая она?» Киан лишь покачал головой и сказал с почтением: «Она — мать».

Должно быть, все остальные выводы я должна была сделать сама…

Аноре подчинялся весь дом, и если Киан был негласным главой, отвечающим за благосостояние семьи, то мать его была главной их рода. А это значило только одно — как бы он ни кичился со своими громкими речами, за Анорой было решающее слово. Во всех вопросах.

Может, стоит переговорить с ней с глазу на глаз?..

На мои расспросы о том, почему я понимаю ирландский, Киан лишь разводил руками — для него самого это стало открытием. И, насколько я поняла по его периодически напрягающемуся лицу, он планировал во всю использовать свою уникальную способность понимать меня единолично… Вот только уникальность была исчерпана, когда выяснилось, что языкового барьера для меня не существует. Другое дело — если я сама захочу кому-нибудь что-то сказать…

Ну, об этом я подумаю позже!

— Киан, я слушаю, — я внимательно посмотрела на мужчину, отставив в сторону бокал с дорогим шампанским.

Мы находились на борту небольшого частного самолёта, салон которого радовал глаз своим уютом и стильным дизайном интерьера. Две миленькие стюардессы проводили Шона голодными взглядами, низко поклонились Киану и наградили меня приветливыми улыбками, прежде чем налить нам по бокалу невероятно вкусного игристого и заняться, наконец, нашим багажом. Его, к слову, за нами тащил незнакомый мне мужчина довольно пугающей наружности. Должно быть, телохранитель… Хорошо, что я его раньше не видела — боюсь, реакция бы Киана не порадовала… По крайней мере, уговорить меня ехать в Ирландию было бы в три раза сложней.

Шон погрузился в музыку, натянув на уши известную всему миру гарнитуру, устрашающей внешности мужчина скрылся в кабине пилотов, а Киан уселся напротив меня и… опустошил весь бокал разом.

— Некоторое время назад умер один человек… Очень дорогой нашей семье человек. Мы погрузили его тело в «стаз» и начали поиск Бошенты, чтобы она могла вернуть душу на место, используя свою связь с Богом Смерти.

— О-кееей, — слегка растерянно протянула я, — Ты знаешь про Бога Смерти, ты владеешь какими-то странными техниками сохранения тела, и ты находишь меня в далёкой России, с проснувшейся кровью, как раз в тот момент, когда я тебе понадобилась…

— Звучит странно, я знаю, — кивнул Киан, лицо которого было непривычно сосредоточено, — Но в этом мире все встречи нам посылает судьба. Ты появилась в тот самый момент, когда в тебе появилась необходимость. Не это ли — самое лучшее доказательство того, что мы должны были встретиться?

— Я соглашусь с тобой, хоть тебя и заносит, — с сомнением заметила я, — но с чего ты взял, что я смогу позвать Бога Смерти и вернуть душу тому, кто уже не является её хозяином?

— Твоя связь с Тем, кто идёт следом… ты ещё не знаешь её пределов, — сказал Киан с глазами, полными веры, — Ты можешь звать Его, когда посчитаешь нужным. Я не говорю о том, что ты будешь иметь возможность приглашать его на кружечку чая раз в неделю… Но, если в этом появится необходимость, ты можешь привести Его в наш мир — с помощью своего крика.

— Да уж ясно, что не храпа, — огрызнулась я.

Я ж его в жизни не видела! Всегда только «указывала дорогу»! Как я вообще смогу понять, что он придёт? Я что, получу уведомление по смс? Или письмо на почту?

— Киан, у меня только два вопроса, — уверенно заявила я, после пятиминутного молчания.

К слову, в этот промежуток времени бедный (пардон, очень богатый) ирландец успел опустошить почти всю бутылку приглянувшегося мне игристого.

— Задавай, — по слогам произнёс Киан, глядя мне прямо в глаза.

— Первое: этот человек, которого вы хотите вернуть… Он настолько важен для вас? Настолько важен для тебя? Ты готов пойти против природы и нарушить привычный ход вещей, чтобы вытянуть из глубин Неизвестности того, кто возможно и не хочет возвращаться?

— Этот человек ушёл слишком рано. Его время ещё не наступило, — короткими фразами ответил Киан, сжав челюсть.

Я видела — он искренне переживает из-за этого «кого-то» … А, значит, в его желании вернуть душу нет каких-то коварных целей, из-за которых на мою голову в последствие навалится целая куча проблем.

В конце концов, попытаться можно… а если не получится — ну, так и я не волшебница! Это они тут — недоделанные алхимики! Тело они в «стаз» погрузили! Мне бы, блин, такие знания, да на пару лет пораньше…

— Твой второй вопрос, — напомнил Киан, продолжая смотреть мне в глаза.

— После моей попытки, — я выделила интонацией слово «попытка», чтобы у него не оставалось сомнений — я в себе не уверена, но сделать — попробую, — меня ждёт безбедное будущее? Вы обеспечите мою старость и младость? Никаких ситуаций с «иди живи на улице, противная бошента»?

Киан мягко рассмеялся, вмиг расслабившись и откинув голову на спинку кресла.

— На улицу тебя никто не выгонит. Ты будешь жить с почётом и круглой суммой на счету до самой своей смерти.

— Договорились, — быстро согласилась я, тут же протянув ему руку.

Глаза Киана сверкнули от удовольствия лицезреть моё согласие, и он протянул руку в ответ, скрепив наше рукопожатие… и неожиданно погладив мою кисть большим пальцем своей руки.

Я удивленно посмотрела на старшего из братьев и впервые в жизни совершенно не знала, что сказать. Это что… флирт? Или благодарность?..

Но Киан уже откинулся обратно на сиденье и подозвал одну из официанток, чтобы та наполнила ему опустевший бокал.

Я перевела взгляд на Шона и с ещё большим удивлением обнаружила на себе его тяжёлый взгляд. Он знает, о чём попросил меня Киан? И он недоволен моим согласием? Или он недоволен той вольностью, которую позволил себе доселе очень сдержанный со мной старший брат?..

Как ни печально осознавать — объяснять мне никто ничего не будет.

И, словно в подтверждение моих слов, Шон отвернулся к окну иллюминатора и закрыл глаза, вслушиваясь в тяжёлые аккорды, доносившиеся из его наушников.

Я тоже достала из сумки айфон и вдела гарнитуру в уши. Hozier — Sedated заполнил все мои мысли и позволил расслабиться, поглощая всем своим существом атмосферную музыку с удивительно мелодичным, волшебным вокалом популярного ирландского исполнителя… Чёрт, и этот из Ирландии!..

Я прикрыла глаза и попыталась проникнуться идеей того, что всё в жизни предопределено — и моя встреча с Кианом, и поездка в Ирландию, и помощь неизвестному человеку, ради которого Киан отправился на поиски Бошенты… и предательски всплывший в моем плей листе Эндрю Хозиер-Бирн со своей чертовски любимой мной композицией…

Всё предопределено.

А мне остаётся только плыть по течению.

В конце концов, он же не Сатану собирается к жизни возвращать?..

Когда самолет благополучно приземлился, волнение моё почти сошло на нет. Все попытки найти связь между словами Киана об уничтожении пределов влияния семьи и воскрешением дорогого ему человека, вытекали в один единственный вывод: пределы уничтожатся, когда он докажет всем, что смерть над его родом не властна. По-моему, логично, а главное — никоим образом не связано с возрождением какой-нибудь трёхсот тысячелетней мумии, которая окажется Богом Анубисом — конкурентом Бога Смерти, и уничтожит к чертям собачьим часть человечества… К чертям собачьим — это я лихо, конечно, завернула… учитывая внешний вид Бога… какого черта я вообще приплела сюда Анубиса?!

Суть не в этом. Суть в том, что я уверена: человек, которого Киан хочет воскресить — это его близкий родственник. Возможно, отец. Или дед. Надеюсь, что не сын…

Но спросить об этом у самого ирландца язык не поворачивался.

Короче, все мои умозаключения свелись к тому, что Киану

нечего хотеть, кроме как возвращения этого человека, поскольку и деньги, и власть, и положение в обществе, насколько я успела заметить, у него имелись и без этого. Хотеть их он просто не мог. Значит, «уничтожение пределов влияния» сводится к тому самому воскрешению…

И здесь на сцене появляюсь я, вся в белых одеждах, с белыми волосами и сверкающими добродетелью глазами.

Чёрт, а я — та ещё богохульница. Едва ли не к воскрешению лазаря готовлюсь, а рассуждаю над этим, словно то дело пяти минут…

Я тяжко вздохнула и спустилась по трапу. Погода в Ирландии была… спорная. Вроде как солнце и небо голубое, а ветер так и норовит до костей пробрать и попутно вскинуть подол моего сарафана к моему же лицу. Зараза.

Не успела я выругаться на то, что не накинула кардиган, как на мои плечи опустилась чья-то куртка. Я обернулась и только и успела, что кивнуть с благодарностью, как Шон (мой тайный благодетель) обошёл меня, даже не снимая наушников, чтобы услышать хоть какую-то реакцию на свой поступок, и первым спустился вниз, подходя к тонированной машине, ожидавшей нас у конца трапа.

— Добро пожаловать в Ирландию, — раздался из-за моей спины голос Киана; сам мужчина появился вслед за своим голосом, с блаженной улыбкой на губах и довольным взглядом в карих глазах.

— Мог бы и предупредить, что тут ветер, — кисло заметила я, опираясь на предложенную мне руку.

— Разве это ветер? — философски вопросил Киан, а мне захотелось его треснуть.

Да, ветер. Что, невидно, в какие узлы завязались мои распущенные волосы?!

— Ты привыкнешь, — с улыбкой сказал мужчина и достал из кармана телефон, — Иди, садись в машину. Я должен обсудить все детали сегодняшнего вечера.

— А сегодня вечером?.. — поинтересовалась я, предлагая ему закончить моё предложение и почему-то думая о большом семейном ужине…

— Сегодня вечером ты позовёшь своего хозяина и позволишь нам вновь видеть живым дорогого нам человека, — спокойно сказал Киан с лёгкой улыбкой на губах, и так же спокойно отошёл в сторону, уже во всю разговаривая с кем-то на другом конце линии… но я, как последний дебил хранил ей верность! — на этих словах он сжал в кулак мои волосы, а на лице его появилась та самая опасная агрессия, что вынуждала меня осторожно

пятиться от него этим утром… — Вот объясни мне, почему ей проще поверить, что я перетрахал пол города, чем в то, что я дорожил нашими отношениями?

— Может, потому что она сама была не так невинна? — негромко спросила я, глядя ему в глаза.

Шон долгое время молчал, отвечая мне тяжелым взглядом. Он словно понял, о чём я говорю, и теперь вынуждал меня сжиматься от внутренних противоречий: я сочувствовала парню, но также — меня распирало от радости, что у них с Бекой всё закончилось. Да, он тот ещё грубиян, и манерам ему необходимо подучиться, но он был честен в своей привязанности и искренне переживал из-за разлада с бывшей возлюбленной… И это бесило меня и восхищало в нём — одновременно.

Такие мужчины на улице не валяются; я понятия не имею, чем Бека сумела его околдовать, но то, что творилось на дне глаз этого ирландского парня… Чёрт, эта девица — просто идиотка, что не сумела оценить того, что было у неё в руках. И как бы я хотела, чтобы эта страсть в нём просыпалась от взгляда на меня, а не от мыслей о ней…

Мы замерли, напряженно глядя друг на друга.

И Шон, и я — мы оба понимали: то, что может сейчас произойти — это будет неправильно. Неправильно по многим причинам. И пусть я готова была послать эти причины ко всем чертям… всё же я медленно отстранилась, аккуратно слезла с колен парня, оправила сарафан и, в последний момент оторвав от него глаза, развернулась и пошла на кухню. Шон меня не остановил — он так же напряжённо, как и я, следил за моим отстранением, а, когда я оправляла платье, каким-то жадным взглядом проводил движение моих рук… и резко отвел глаза, вернув внимание экрану.

Таяяяя… ты — героиня.

Пожалуй, воздвигну себе памятник, как только появится лишняя пара тысяч евро в кармане…

Я дошла до холодильника, достала сыр с прошуто, свежие листья салата, какой-то соус, лимон, из хлебницы вытащила свежий багет (или как это у них называется?), поставила чайник и начала варганить себе бутерброды. Через десять минут мой желудок урчал от удовольствия — что ни говори, а только европейские продукты обладают тем самым неповторимым вкусом, той самой свежестью, какой я никогда не наблюдала у товаров нашего российского производства. Сколько не бывала в Европе и каждый раз поражалась, насколько разный вкус даже у той же зелени… Не говоря о сырах, морепродуктах и мясе…

Кстати о морепродуктах — их я тоже подточила, совершенно

не стесняясь, что объедаю кого-то из братьев. В конце концов я — почетный гость в их доме. Легендарная Бошента. И пусть весь мир подождёт! — бугага!

Но я увлеклась. И не заметила, как в дом вошёл Киан, собственной персоной.

— Тая, мы вылетаем сегодня вечером, — сообщил старший брат семьи… кстати, а какая фамилия у этого славного семейства?

— Назови свою фамилию, — указав на мужчину вилкой, потребовала я.

— О'Брайен, — на губах Киана обозначилась едва заметная усмешка.

— Хм… — я прожевала очередную креветку и отхлебнула чая из кружки, — Я думала, ты какой-нибудь О'Коннор или МакДоннел…

— Разочарована? — Киан поднял одну бровь.

— Нет. Мне нравится, — честно ответила я, мысленно примерив на себя название рода. Нет, с именем как-то не идёт… — А моё имя как-то изменится в зависимости от вашего произношения?

— Таиссия… довольно необычное для Ирландии имя. Скорее тебя будут звать созвучным — Тоириса. Или Триса, что в переводе с нашего языка обозначает — жница.

Чёрт. И почему я не удивлена…

— Тебе не понравился перевод? — с пониманием усмехнулся Киан.

— Нет. Я вспомнила, что в детстве моя прабабка звала меня Трисой… — пробормотала я, с какой-то дикой тоской подумав о том, что ирландец не врал, когда говорил, что кто-то из моих предков был родом из Ирландии… — И как скоро мы вылетаем? Я так понимаю, любоваться красотами Италии мне так и не дадут…

— Полюбуешься красотами Ирландии, — вновь усмехнулся Киан, а потом лицо его стало серьёзным, — Я рад, что ты пришла в себя.

— А что мне оставалось? — так же серьёзно спросила я, — Оглушить вас своим криком и убежать в неизвестном направлении? Ну, нашли бы вы меня в каком-нибудь винограднике, привезли бы обратно — ничего бы от этого не изменилось.

— Ты не пленница здесь, — спокойно сказал Киан.

— Да, я — почётная гостья, кровью прикованная к вашему клану, — я растянула губы в кривой улыбке и поднялась из-за стола, — Мне стоит собираться?

— Да, самолет сейчас готовят к вылету, — как-то механично

кивнул Киан, выходя из кухни.

— Самолет? Мы полетим на частном самолете? — недоверчиво переспросила я, а, когда поймала крайне многозначительный взгляд старшего из братьев, только покачала головой: — Есть ли предел у вашего влияния?

— Есть, — абсолютно серьёзно кивнул ирландец, — но с твоей помощью мы его уничтожим.

Мне не потребовалось много часов на сборы — мой чемодан так и не был разобран, о чём я не забыла напомнить упрямому ирландцу. Раз десять.

В те оставшиеся часы в доме мне было проще общаться с ним, нежели с его младшим братцем… Но, как я ни старалась заполучить от Киана хоть какую-то информацию относительно его планов на меня… он оказался стоек. И до самого нашего приезда в аэропорт, мастерски выводил разговор в нужное ему русло, а именно — рассказывал о правилах поведения в их фамильном замке. Насколько я смогла уяснить из его речей, главной в их семье считалась мама. Анора. На мой вопрос «какая она?» Киан лишь покачал головой и сказал с почтением: «Она — мать».

Должно быть, все остальные выводы я должна была сделать сама…

Аноре подчинялся весь дом, и если Киан был негласным главой, отвечающим за благосостояние семьи, то мать его была главной их рода. А это значило только одно — как бы он ни кичился со своими громкими речами, за Анорой было решающее слово. Во всех вопросах.

Может, стоит переговорить с ней с глазу на глаз?..

На мои расспросы о том, почему я понимаю ирландский, Киан лишь разводил руками — для него самого это стало открытием. И, насколько я поняла по его периодически напрягающемуся лицу, он планировал во всю использовать свою уникальную способность понимать меня единолично… Вот только уникальность была исчерпана, когда выяснилось, что языкового барьера для меня не существует. Другое дело — если я сама захочу кому-нибудь что-то сказать…

Ну, об этом я подумаю позже!

— Киан, я слушаю, — я внимательно посмотрела на мужчину, отставив в сторону бокал с дорогим шампанским.

Мы находились на борту небольшого частного самолёта, салон которого радовал глаз своим уютом и стильным дизайном интерьера. Две миленькие стюардессы проводили Шона голодными взглядами, низко поклонились Киану и наградили меня приветливыми улыбками, прежде чем налить нам по бокалу

невероятно вкусного игристого и заняться, наконец, нашим багажом. Его, к слову, за нами тащил незнакомый мне мужчина довольно пугающей наружности. Должно быть, телохранитель… Хорошо, что я его раньше не видела — боюсь, реакция бы Киана не порадовала… По крайней мере, уговорить меня ехать в Ирландию было бы в три раза сложней.

Шон погрузился в музыку, натянув на уши известную всему миру гарнитуру, устрашающей внешности мужчина скрылся в кабине пилотов, а Киан уселся напротив меня и… опустошил весь бокал разом.

— Некоторое время назад умер один человек… Очень дорогой нашей семье человек. Мы погрузили его тело в «стаз» и начали поиск Бошенты, чтобы она могла вернуть душу на место, используя свою связь с Богом Смерти.

— О-кееей, — слегка растерянно протянула я, — Ты знаешь про Бога Смерти, ты владеешь какими-то странными техниками сохранения тела, и ты находишь меня в далёкой России, с проснувшейся кровью, как раз в тот момент, когда я тебе понадобилась…

— Звучит странно, я знаю, — кивнул Киан, лицо которого было непривычно сосредоточено, — Но в этом мире все встречи нам посылает судьба. Ты появилась в тот самый момент, когда в тебе появилась необходимость. Не это ли — самое лучшее доказательство того, что мы должны были встретиться?

— Я соглашусь с тобой, хоть тебя и заносит, — с сомнением заметила я, — но с чего ты взял, что я смогу позвать Бога Смерти и вернуть душу тому, кто уже не является её хозяином?

— Твоя связь с Тем, кто идёт следом… ты ещё не знаешь её пределов, — сказал Киан с глазами, полными веры, — Ты можешь звать Его, когда посчитаешь нужным. Я не говорю о том, что ты будешь иметь возможность приглашать его на кружечку чая раз в неделю… Но, если в этом появится необходимость, ты можешь привести Его в наш мир — с помощью своего крика.

— Да уж ясно, что не храпа, — огрызнулась я.

Я ж его в жизни не видела! Всегда только «указывала дорогу»! Как я вообще смогу понять, что он придёт? Я что, получу уведомление по смс? Или письмо на почту?

— Киан, у меня только два вопроса, — уверенно заявила я, после пятиминутного молчания.

К слову, в этот промежуток времени бедный (пардон, очень богатый) ирландец успел опустошить почти всю бутылку приглянувшегося мне игристого.

— Задавай, — по слогам произнёс Киан, глядя мне прямо в глаза.

— Первое: этот человек, которого вы хотите вернуть… Он настолько важен для вас? Настолько важен для тебя? Ты готов пойти против природы и нарушить привычный ход вещей, чтобы вытянуть из глубин Неизвестности того, кто возможно и не хочет возвращаться?

— Этот человек ушёл слишком рано. Его время ещё не наступило, — короткими фразами ответил Киан, сжав челюсть.

Я видела — он искренне переживает из-за этого «кого-то» … А, значит, в его желании вернуть душу нет каких-то коварных целей, из-за которых на мою голову в последствие навалится целая куча проблем.

В конце концов, попытаться можно… а если не получится — ну, так и я не волшебница! Это они тут — недоделанные алхимики! Тело они в «стаз» погрузили! Мне бы, блин, такие знания, да на пару лет пораньше…

— Твой второй вопрос, — напомнил Киан, продолжая смотреть мне в глаза.

— После моей попытки, — я выделила интонацией слово «попытка», чтобы у него не оставалось сомнений — я в себе не уверена, но сделать — попробую, — меня ждёт безбедное будущее? Вы обеспечите мою старость и младость? Никаких ситуаций с «иди живи на улице, противная бошента»?

Киан мягко рассмеялся, вмиг расслабившись и откинув голову на спинку кресла.

— На улицу тебя никто не выгонит. Ты будешь жить с почётом и круглой суммой на счету до самой своей смерти.

— Договорились, — быстро согласилась я, тут же протянув ему руку.

Глаза Киана сверкнули от удовольствия лицезреть моё согласие, и он протянул руку в ответ, скрепив наше рукопожатие… и неожиданно погладив мою кисть большим пальцем своей руки.

Я удивленно посмотрела на старшего из братьев и впервые в жизни совершенно не знала, что сказать. Это что… флирт? Или благодарность?..

Но Киан уже откинулся обратно на сиденье и подозвал одну из официанток, чтобы та наполнила ему опустевший бокал.

Я перевела взгляд на Шона и с ещё большим удивлением обнаружила на себе его тяжёлый взгляд. Он знает, о чём попросил меня Киан? И он недоволен моим согласием? Или он недоволен той вольностью, которую позволил себе доселе очень сдержанный со мной старший брат?..

Как ни печально осознавать — объяснять мне никто ничего не будет.

И, словно в подтверждение моих слов, Шон отвернулся к окну иллюминатора и закрыл глаза, вслушиваясь в тяжёлые аккорды, доносившиеся из его наушников.

Я тоже достала из сумки айфон и вдела гарнитуру в уши. Hozier — Sedated заполнил все мои мысли и позволил расслабиться, поглощая всем своим существом атмосферную музыку с удивительно мелодичным, волшебным вокалом популярного ирландского исполнителя… Чёрт, и этот из Ирландии!..

Я прикрыла глаза и попыталась проникнуться идеей того, что всё в жизни предопределено — и моя встреча с Кианом, и поездка в Ирландию, и помощь неизвестному человеку, ради которого Киан отправился на поиски Бошенты… и предательски всплывший в моем плей листе Эндрю Хозиер-Бирн со своей чертовски любимой мной композицией…

Всё предопределено.

А мне остаётся только плыть по течению.

В конце концов, он же не Сатану собирается к жизни возвращать?..

Когда самолет благополучно приземлился, волнение моё почти сошло на нет. Все попытки найти связь между словами Киана об уничтожении пределов влияния семьи и воскрешением дорогого ему человека, вытекали в один единственный вывод: пределы уничтожатся, когда он докажет всем, что смерть над его родом не властна. По-моему, логично, а главное — никоим образом не связано с возрождением какой-нибудь трёхсот тысячелетней мумии, которая окажется Богом Анубисом — конкурентом Бога Смерти, и уничтожит к чертям собачьим часть человечества… К чертям собачьим — это я лихо, конечно, завернула… учитывая внешний вид Бога… какого черта я вообще приплела сюда Анубиса?!

Суть не в этом. Суть в том, что я уверена: человек, которого Киан хочет воскресить — это его близкий родственник. Возможно, отец. Или дед. Надеюсь, что не сын…

Но спросить об этом у самого ирландца язык не поворачивался.

Короче, все мои умозаключения свелись к тому, что Киану нечего хотеть, кроме как возвращения этого человека, поскольку и деньги, и власть, и положение в обществе, насколько я успела заметить, у него имелись и без этого. Хотеть их он просто не мог. Значит, «уничтожение пределов влияния» сводится к тому самому воскрешению…

И здесь на сцене появляюсь я, вся в белых одеждах, с белыми волосами и сверкающими добродетелью глазами.

Чёрт, а я — та ещё богохульница. Едва ли не к воскрешению лазаря готовлюсь, а рассуждаю над этим, словно то дело пяти минут…

Я тяжко вздохнула и спустилась по трапу. Погода в Ирландии была… спорная. Вроде как солнце и небо голубое, а ветер так и норовит до костей пробрать и попутно вскинуть подол моего сарафана к моему же лицу. Зараза.

Не успела я выругаться на то, что не накинула кардиган, как на мои плечи опустилась чья-то куртка. Я обернулась и только и успела, что кивнуть с благодарностью, как Шон (мой тайный благодетель) обошёл меня, даже не снимая наушников, чтобы услышать хоть какую-то реакцию на свой поступок, и первым спустился вниз, подходя к тонированной машине, ожидавшей нас у конца трапа.

— Добро пожаловать в Ирландию, — раздался из-за моей спины голос Киана; сам мужчина появился вслед за своим голосом, с блаженной улыбкой на губах и довольным взглядом в карих глазах.

— Мог бы и предупредить, что тут ветер, — кисло заметила я, опираясь на предложенную мне руку.

— Разве это ветер? — философски вопросил Киан, а мне захотелось его треснуть.

Да, ветер. Что, невидно, в какие узлы завязались мои распущенные волосы?!

— Ты привыкнешь, — с улыбкой сказал мужчина и достал из кармана телефон, — Иди, садись в машину. Я должен обсудить все детали сегодняшнего вечера.

— А сегодня вечером?.. — поинтересовалась я, предлагая ему закончить моё предложение и почему-то думая о большом семейном ужине…

— Сегодня вечером ты позовёшь своего хозяина и позволишь нам вновь видеть живым дорогого нам человека, — спокойно сказал Киан с лёгкой улыбкой на губах, и так же спокойно отошёл в сторону, уже во всю разговаривая с кем-то на другом конце линии…

А я так и стояла, с открытым ртом и гулко бьющимся сердцем. Сегодня? СЕГОДНЯ?! Да он что, ошалел?! Как я вдруг ни с того ни с сего позову Бога Смерти, даже толком не умея управлять собственным криком?

— Садитесь в машину, — низкий глухой голос, донёсшийся из-за моей спины, заставил меня поёжится и прям-таки полететь в сторону ждущей меня иномарки.

Тот самый телохранитель, что таскал за нами наш багаж, неспешно приблизился к тонированному внедорожнику,

стоявшему рядом с тем авто, в котором скрылся Шон, ловко уместил все вещи в его багажнике, сел на место водителя и укатил вперёд.

Нет, не телохранитель. Скорее — личный помощник.

Я забралась на заднее сиденье автомобиля класса люкс и тихонько выдохнула. Тот человек внушал мне страх. Правда, страх. Как будто я чувствовала своей «интуицией Банши», что он — какой-нибудь франкенштейн или что-то типа того.

— Не бойся его. В детстве его изрядно потрепали в драке. Потому лицо такое квадратное, — негромко сказал Шон, облокотившись на рельефную дверцу и глядя на фигуру своего брата, стоявшего перед машиной и продолжавшего свой разговор по телефону.

— Я и не боюсь, — отчего-то расхрабрилась я, а потом сдулась, осознав, что меня всё равно не поймут, а «деланные» интонации в голосе уже выдали меня с потрохами, — Прости меня.

Шон протянул руку к зеркалу дальнего вида и направил его так, чтобы видеть моё лицо. В свою очередь на его лице читались вопрос и внимание.

— Я втянула тебя в это. Ну, пусть не я, а твой брат при помощи меня — сути это не меняет. Если бы я не появилась в твоем доме, ты бы до сих пор был в Италии и, возможно, продолжал встречаться с Бекой…

Последние слова дались мне с трудом, но я всё же пересилила себя — пусть он и не оценит, зато я осталась честна с собой.

Шон некоторое время молчал, глядя на меня через зеркало, а потом сжал губы и резко вышел из машины. Я такого поворота не ожидала, потому в первую секунду даже испугалась — а не понял ли он мои слова превратно? Когда не знаешь перевода, можно приписать фразам любой смысл. Но потом увидела, куда направился парень и застыла, не зная, что делать: сидеть тихо и ждать возвращения братьев, или приоткрыть дверь машины и послушать, что Шон решил обсудить с Кианом так резко сорвавшись со своего места?..

Пересилило любопытство. Какая неожиданность.

Я осторожно нажала на кнопочку и буквально на пару сантиметров опустила тонированное окно. В салон тут же полетели обрывки разговора на повышенных тонах:

— … и никогда не говорил тебе ничего по этому поводу. Потому надеялся, что ты с таким же пониманием отнесёшься к моим отношениям с Бекой!

— Не смей сравнивать её с Бекой! — в голосе Киана

послышался гнев.

Кого это он не хочет сравнивать с Бекой? Не меня ли?

— Ита для тебя всё. Ты знаешь, что такое чувствовать привязанность кровью, — напирал Шон, голос которого больше не имел ничего общего с тем парнем, которого я лицезрела в Италии на протяжение полутора дней.

Теперь с Кианом разговаривал мужчина. Незнакомый мне, уверенный в себе и в своей правоте, мужчина.

— Это не имеет ничего общего с твоими отношениями с Бекой! Она не является для тебя постоянной потребностью. Ты продолжаешь жить без неё — каждый раз, когда она от тебя уходит!

— Ты тоже продолжаешь жить! — напомнил старшему брату Шон, руки которого опасно сжались в кулаки.

Глаза Киана полыхнули гневом. А затем он резко успокоился.

— Отчего ты завёлся? Ты же знал, на что я иду! На что готов пойти весь наш род — а это было решением всей семьи.

— После того, что ты натворил, я бы тоже согласился с твоими аргументами, — медленно проговорил Шон, с угрозой глядя на своего брата.

— Ты беспокоишься за неё, — на лице Киана появилась странная улыбка.

— Она не имеет к этому никакого отношения, — процедил младший брат.

— Ты же понимаешь, что будь Бека — той самой, этих мыслей бы вообще не появилось? — Киан склонил голову набок, внимательно глядя на брата.

— Пообещай мне, что с ней ничего не случится. Даже если у тебя ничего не выйдет.

С кем ничего не случится? С Бекой? А что с ней может случиться? И что значит, «даже если у тебя ничего не выйдет»?

— Обещаю, — с какой-то до странного жуткой интонацией произнёс Киан.

Чёрт… что здесь происходит?

Я нервно поёжилась, и быстро вернула окно в исходное положение. Ничего не понимаю… а если вспомнить, что Киан и Шон — не простые люди, а какие-то там не то друиды, не то шаманы… так дело вообще палёным пахнет!

И чего это я так просто насоглашалась на все условия, даже не поразмыслив над тем фактом, что человек, душу которого нужно будет возвращать на место, умер ни разу не вчера! И даже не позавчера! А если вспомнить, когда на меня наткнулся Киан, так и вовсе больше полумесяца назад! Это они полмесяца хранили труп неизвестно где и неизвестно как?! А мне теперь это

кошмарище в свет выводить?!

Так чем я лучше того самого Франкенштейна? Только не того, который монстр, а того, который создатель того монстра?!

Меня начало колотить мелкой дрожью.

В машину сел Шон, затем обернулся на меня, нахмурился и снова вышел из машины. Черт, надеюсь, он не собирается… Дверь с другой от меня стороны резко открылась, и на заднее сиденье забрался младший О'Брайен: я даже испугаться не успела, как была придвинута к мужскому телу — одной рукой, в то время, как вторая его рука нашла своё пристанище на моём лбу.

Кажется, у меня жар. И, кажется, он тоже это понял…

— Глупая, зачем подслушивала? — выругался Шон, убирая ладонь от моего лица.

А как я могла с этим бороться? Кто бы на моём место поступил бы по-другому?!

— Не беспокойся, он не причинит тебе вреда, — вдруг сказал Шон, осторожно погладив меня по волосам, затем неожиданно отстранил, осмотрел с ног до головы, поднял обеими руками и усадил к себе на колени, прижав моё тело к груди, — Чёрт, ты такая маленькая…

Я — маленькая? Я вообще-то того же возраста, что и он! Ну, может, на год помладше…

А потом я поняла, что смогла уместиться на его теле, не причинив при этом особых неудобств, и поняла, к чему относился его комплимент. К моим размерам. Да, после того, как проснулась моя кровь, я уменьшилась по меньшей мере на два размера…

— Что происходит, Шон? — спросила я каким-то тихим, надломленным голосом.

В его руках почему-то сразу захотелось разрыдаться, но я держалась из последних сил. Нечего показывать свою слабость. Итак уже выдала себя этой дурацкой дрожью.

— Всё хорошо. Это закончится сегодня вечером, и всё будет, как прежде…

Как прежде… а как это «как прежде»? Я уже не смогу вернуться в Россию, не смогу вернуться на работу… или он говорил не обо мне?..

— Едем, — Киан быстро забрался на сиденье водителя и завёл автомобиль, затем оглянулся на нас, удивлённо улыбнулся, фыркнул и, выводя машину с территории аэропорта, негромко произнёс: — любопытно.

— Ей плохо. Наверное, успела простыть, пока спускалась по трапу, — без эмоций произнёс Шон.

— Ничего, мамин отвар быстро поставит на ноги, —

усмехнулся Киан, — Но меня удивляешь ты. И твоя реакция.

— Она хорошенькая, — оскалился Шон, глядя на брата через зеркало.

Я бы его лягнула, если б мне не было так страшно.

Стоп… он меня не выдал?

— Я тоже ей об этом говорил, — хмыкнул старший О'Брайен и прибавил газу, как только мы выехали на трассу.

Странно, но зелёные просторы вокруг, голубое небо с пушистыми облаками, запах травы и какой-то особенной свежести, присущей, должно быть, только этой стране, постепенно наполнили меня внутренними силами. Я словно начала оживать… и чем дальше мы погружались в земли Ирландии, скользя по трассе на удивительно быстрой и беззвучной машине, тем глубже прятались все мои страхи, — а, возможно, и вовсе испарялись! Я ощутила бодрость. И подъём. Я отстранилась от Шона и прильнула к тонированному окну, пытаясь жадным глазом вобрать в себя всю красоту ирландских земель. Это странное ощущение… но я почувствовала, что я дома.

Я, наконец, дома.

Не знаю, сколько длилась поездка — я утонула в тех пейзажах, что пролетали мимо меня за окном, потому, когда машина неожиданно остановилась, я даже не поверила сперва… отстранилась от окна… а потом выскочила наружу, вдыхая воздух полной грудью! Этот заслон, эта стеклянная преграда была преодолена — и теперь ничто не разделяло меня и свежий воздух Ирландии! Настоящей Ирландии! Господи! Ну, разве можно воздуху быть таким… вкусным?!.

— А она ведь сейчас по травке кататься начнёт, — с улыбкой заметил Киан.

Я оглянулась на братьев и обнаружила на себе два совершенно разных взгляда. И если взгляд Киана я могла охарактеризовать как насмешливо-добрый, то взгляд Шона был… изучающим… и, словно удивлённым.

Что со мной не так?.. Или нет — со мной что-то не так?

— Ты здесь совсем другая, — только и сказал младший О'Брайен, перед тем, как развернуться и заключить в объятия подошедшую к нам красивую немолодую женщину с большими выразительными глазами редкого оливкового цвета, загорелой кожей лица с сетью едва заметных морщинок и с толстой темно русой косой, — Мама.

— Я так рада видеть тебя здесь, Шон, — женщина едва не прослезилась, обнимая своего младшего сына.

Сколько же он отсутствовал?

— Ма, меня не было чуть меньше двадцати дней, — с

улыбкой заметил Шон.

— Я думала, ты уже не вернёшься… — Анора с любовью посмотрела на него, погладив ладонью по лицу, и перевела взгляд на Киана, — Киан…

— Мама, — старший О'Брайен остался стоять на месте, напряжённо глядя на свою мать, но когда та сделала шаг в его сторону, быстро подошёл к ней и заключил в объятия.

Это было так… по-семейному, что я вмиг почувствовала себя здесь лишней. Не знаю, что между ними тремя произошло, но, кажется, отношения в их семье далеко не простые… И это было странно — я помню, как Киан разговаривал со своей матерью, когда вёз меня из аэропорта в Италию два дня назад.

Однако сейчас, когда они встретились вживую… что-то стоит между ними, что-то, о чём мне ещё только предстоит узнать.

— Милая, ты, должно быть, Таиссия? — Анора подошла ко мне и тоже заключила в объятия, что меня слегка дезориентировало — меня-то за что? — Пойдём со мной в дом. Я тебе всё покажу. А мальчики пока займутся всеми приготовлениями к обеду.

Ну, по времени дело шло к ужину, но вечером, я так понимаю, будет не до еды…

Я позволила женщине взять себя под локоток и повести в сторону…

Вот это… домик…

Поместье в Италии показалось мне гостевой пристройкой… Нет, фамильный замок О'Брайенов не имел ни шпилей, ни статуй, ни башен, уходящих в небо, просто он был настолько величественен, что я с каким-то немым изумлением вспомнила слова Бека про «поросший мхом домишко» — или как она там сказала?

Это был настоящий замок! И да, он не был новым или отштукатуренным, и вообще не имел ничего общего с современными постройками под «замковый стиль». Этому дому было по меньшей мере лет триста. Вообще, даже я понимала, что намного больше — но гадать не стала. Думаю, тут найдётся много желающих, готовых рассказать мне про это чудо света…

Так, стоп! А как я буду разговаривать с мамой братьев, если она ни слова моего не поймёт?

— Я немножко подготовилась к твоему приезду и подучила несколько ваших слов, — сообщила Анора (должно быть, на ирландском), — Так что хоть немного — но смогу понимать тебя, милая.

— Спасибо, мне очень приятно, — улыбнулась я, надеясь, что выражение моего лица и интонации расскажут о моем отношении

больше, чем неизвестные ей слова…

— Сейчас я покажу тебе твою комнату. Хоть ты у нас и ненадолго, но всё же, хотелось бы, чтобы эту ночь ты провела здесь, с нами. А потом Киан тебе покажет твой новый дом. В Ирландии Банши никогда не в чём не будет нуждаться. Семьи, которым ты служишь, будут содержать тебя до конца твоей жизни.

Я кивнула, принимая к сведению. Хотя вообще, было бы неплохо, наконец, поразмыслить над тем, что я уже не смогу покинуть эту землю… возможно — никогда… Интересно, а как это смог сделать кто-то из моих предков? Если рассуждать логически, то носительница крови Банши просто не могла уехать отсюда без… так скажем — последствий.

— Анора, расскажите мне о моей крови, — попросила я, надеясь, что женщина меня поймёт.

Мы как раз поднимались по лестнице на второй этаж дома, хотя назвать это место «домом» — просто язык не поворачивался… Это был «домина»! Внутри замок оказался настолько уютным, что я даже не могла точно сказать, какой здесь был дизайн: тут было всё, от современных гаджетов, до деревянных панелей на стенах и немного потёртого (должно быть, от количества ног в семье) старинного паркета.

— Ты, наверное, хочешь узнать, каким образом твоя кровь проснулась в совершенно другой стране? И как ты вообще там оказалась? — понятливо покивала Анора, указывая рукой направление движения (в этих коридорах можно было и потеряться), — Всё очень просто. Твоя кровь проснулась, потому что предыдущая Банши умерла. В тот момент, когда древняя кровь остаётся без присмотра Бошенты, просыпается новая проводница Бога Смерти.

Она открыла передо мной дверь, и я в очередной раз подивилась, насколько деньги и возможности могут сделать человека счастливым! Комната была очень простой, но при этом, я прекрасно понимала, что каждая вещь здесь — антиквариат, цена которому… ну, скажем, моя месячная зарплата — это минимум. И да, я бы хотела здесь жить. Просто и уютно. И дорого.

Какая же я всё-таки меркантильная…

— Древняя кровь? — переспросила я, рассматривая своё новое место обитания.

К сожалению, только на один день… Но, думаю, я буду наведываться к Аноре в гости. Возможно — с ночёвкой!

— Наша кровь, — женщина снисходительно улыбнулась.

— А-а-а, — многозначительно протянула я.

Насколько я поняла, их семья владеет какими-то знаниями, рассказывать о которых мне, конечно, никто не станет… Но всё же — интересно!

Анора словно прочитала этот интерес в моих глазах и смилостивилась на разъяснение:

— До нас сохранилась очень небольшая часть тех знаний, которыми раньше владели древние ирландские семьи. В какой-то момент истории, главами Родов было принято решение сокрыть эти знания от потомков. Потому на данный момент мы не можем похвастаться высоким уровнем Силы… но Киан хочет возродить древние традиции. Он занялся активным изучением всех книг и архивов, сохранившихся до нашего времени. Он ездит по всему миру, собирая крупицы информации, которая помогла бы возвыситься носителям древней крови… Ездил… — Анора внезапно замолчала и опустила взгляд.

Я видела, что женщине вдруг стало тяжело говорить о своём сыне…

Но, не успела я как-то исправить эту ситуацию, как Анора посмотрела на меня с доброй улыбкой и, покачав головой, заметила:

— Ты невероятно хорошенькая, Таиссия.

Я заметила, с каким трудом она произносит моё имя и улыбнулась в ответ:

— Вы можете звать меня Триса. Мне очень нравится ваше платье.

Знаю. Грубо. Прям топором зарубила, но что делать? Если ей так тяжело говорить о своём сыне, лучше поговорим о женских радостях! Это — неисчерпаемый источник для бесед, особенно, когда говоришь искренне.

Платье Аноры и впрямь было чудесным. Это было какая-то донельзя хитрая смесь «рабочего» платья века, этак, девятнадцатого, современных материалов, дизайнерских находок уже двадцать первого века и невероятно элегантного стиля.

— Твоё платье мне тоже нравится, но оно слишком откровенное для местного населения, — с деликатной улыбкой заметила Анора.

— У меня нет ничего длиннее, — с неожиданно напавшей на меня неловкостью в ответ заметила я.

— Я подготовилась к твоему приезду, — Анора хитро посмотрела на меня и открыла дверцу шкафа.

Ты ж моя прелесть!

Нет, всё-таки женщины — те ещё шмотницы…

— Я беру белое! — заявила с ходу.

— Я и не сомневалась, — улыбнулась Анора.

Как же ей идёт её улыбка! Она словно молодеет на глазах!

— Анора, а когда меня познакомят с женой Киана? — переодеваясь в простое белое платье в деревенском стиле, длиной до косточки, из хлопка какого-то потрясающего качества.

— Вечером, — отозвалась женщина, задумчиво глядя в окно.

— Ваш русский впечатляет, — со знанием дела заметила я, вертясь перед зеркалом.

— Нет, просто ты периодически перескакиваешь на ирландский, — улыбнулась Анора, повернувшись ко мне.

— Да?.. — я удивленно посмотрела на неё.

Это было… очень кстати, учитывая, что в Россию я уже вряд ли вернусь. А учить ирландский… я даже не знала, что было бы для меня сложнее. Китайские иероглифы выглядели и то понятнее, чем набор «дабх» «бр» «бхр» «дхр» и прочих звуков, состоящих из нескольких согласных, в этом странном рычащем языке.

Хотя теперь мне сложно судить — я понимаю всё, что говорят ирландцы.

— Вы сказали, что моя кровь пробудилась, когда умерла моя предшественница. Но как моя прабабка или пра-пра-бабка смогла уехать из Ирландии? Да ещё и родить детей?

— Скорее всего она перестала слушать души, — сказала Анора, присаживаясь на кресло, — и перестала звать Бога Смерти.

— Это возможно? — удивилась я.

— Это крайне сложно. И требует невероятных усилий — не слушать свою кровь. Но это возможно. Как когда-то наши предки решили перестать практиковать древние знания и скрыть их от своего потомства, так и твоя прародительница, должно быть, смогла заглушить в себе желание прокладывать путь для Бога Смерти.

Сама я вряд ли смогу заглушить этот зов… Но Шон смог остановить меня — дважды. Интересно, это потому, что он — носитель древней крови?..

— Я только одного не могу понять, — после нескольких минут молчания и тщательного обдумывания всей полученной информации, сказала я, — Если я должна служить только древним родам Ирландии, почему я смогла вызвать Бога Смерти к простым людям, находясь на территории России?

— Твоя проснувшаяся кровь требовала от тебя действия. Но на чужой земле она была дезориентирована, потому начала слушать и чужие души, желающие отправиться к Создателю, — спокойно ответила Анора, а по совместительству — мой личный неисчерпаемый источник информации, — Однако твоей истинной миссией является предупреждение носителей древних кровей о

скорой смерти. Здесь. На нашей земле.

Не такая уж и сложная миссия, учитывая все очевидные плюсы…

— Расскажите мне о жене Киана, — неожиданно для самой себя попросила я.

Эта женщина будоражила моё воображение на протяжение всех этих двух дней. Киан предан ей, это очевидно. Но по какой-то причине она не встретила его у ворот замка… У них тоже произошёл разлад?

— Ита — замечательная, — с добротой в глазах, отозвалась Анора, — Она — пример идеальной жены, она всегда поддерживала Киана, всегда направляла его, когда он сбивался с пути. И сопровождала его везде — куда бы он ни направлялся. Они вместе решили начать работу над возрождением нашего рода. Они верили, что смогут вернуть былое величие нашей семье.

— Верили? — переспросила я, отмечая прошедший род у всех глаголов.

— Киан не сообщил тебе? — Анора удивленно посмотрела на меня, — Ита умерла. Три недели назад…

Я замерла. Киан никогда не говорил, что он — вдовец. Он сказал, что его жена осталась в Ирландии, когда я спросила у него про неё… Так, выходит, он оставил в Ирландии её тело…

— Это её я должна буду пытаться воскресить? — без эмоций спросила я.

— Всего лишь указать путь Богу Смерти. Киан смог найти информацию о древнем ритуале, и за две недели собрал всё, что нужно для его проведения. Твоя помощь там уже не потребуется.

— И он думает, он сможет?.. Вернуть её душу в тело? — внимательно глядя Аноре в глаза, спросила я.

— Он просто обязан попытаться, — с болью в голосе сказала женщина.

Попытаться-то он обязан… но как он будет выторговывать её душу у Бога Смерти?..

— Он будет делать это в первый раз? — решила уточнить.

— Да, — кивнула она, и мы обе замолчали, понимая — насколько малы были шансы Киана вернуть любимую…

Вот только… какая-то мысль не давала мне покоя, какая-то… я даже начала ходить по комнате — назад-вперёд… и резко остановилась. Разговор двух братьев. Они что-то говорили про привязанность кровью. Про неспособность существовать без второй половины… Это аллегория? Или очередная способность их древнего рода?

— Анора, — обратилась я к женщине, — Что такое

«привязанность кровью»?

— О! — глава семьи О'Брайен улыбнулась и покачала головой, опуская взгляд в пол, — Это древняя легенда нашего рода. Существует такое поверье, что раньше между мужчиной и женщиной древних родов, вступивших в брак, происходила связь кровью. Если пара — твоя истинная, ты будешь чувствовать рядом с ней прилив сил. Когда ты будешь болеть, твоя половинка будет лечить тебя одним своим присутствием. Когда ты будешь улыбаться, твоя половинка будет радоваться жизни с тобой вместе. Когда ты умрёшь… твоя половинка уйдёт с Богом Смерти вслед за тобой.

Я сглотнула. Какая… честная сказка.

— Но Киан не умер, — негромко сказала я.

— Так и душу Иты всё ещё можно вернуть, — ещё тише заметила Анора, очень странно глядя мне в глаза.

— Вы хотите, чтобы он вернул её, — уверенно сказала я.

— Я хочу, чтобы мой сын стал прежним. Если ему для этого необходимо встретиться с Богом Смерти… Что ж — это его выбор. Но видеть моего мальчика таким… — она замолчала и в её глазах появилась боль… а затем они и вовсе прослезились.

— Таким? — осторожно переспросила я.

По мне, так Киан выглядел замечательно. Шутил, острил, был бодр и свеж…

Или я чего-то не знаю?

Чёрт… Совершенно точно — я чего-то не знаю.

Потому что Анора только покачала головой и направилась к двери из комнаты.

— Обед будет через тридцать минут. А пока — ты можешь погулять по окрестности, осмотреться… Надеюсь, с сегодняшнего дня ты будешь частой гостьей в этом доме, — задумчиво сказала она и вышла в коридор.

— Я тоже… надеюсь, — нахмурилась я, глядя ей вслед.

Скитания по земле О'Брайенов привели к тому, что я накрутила себя до предела! Нет, мои глаза и душу безумно радовали зелёные просторы, старые величественные деревья, валуны, разбросанные по полю в порядке, известном только Богу… Но мой мозг никак не мог успокоиться, цепляясь за обрывки разных фраз, произнесённых матерью Киана и самим ирландцем… Что-то мешало мне расслабиться и просто ждать вечера (о еде я даже думать не могла, хоть и понимала, что посетить обед придётся — хотя бы из вежливости). И странно, что меня до сих пор не познакомили ни с одним представителем моей «семьи». Я была не глупа и понимала, что у предыдущей Банши должны были остаться какие-то родственники. И, если

рассуждать логически, они приходились родственниками и мне — пусть это была и седьмая вода на киселе.

Тем не менее, про них не было сказано ни слова.

Неужели и впрямь весь род вымер?..

— Мама сказала, что ты стала переходить на ирландский, — раздался за спиной голос Шона.

Я развернулась и посмотрела на него. В простом удобном свитере, потёртых джинсах, тяжелых кожаных ботинках… он был великолепен. Он был просто создан для этой земли. Его зелёные глаза светились силой и жизнью, а на лице больше не было того лениво-высокомерного выражения, которое я так часто видела в Италии.

— Кем ты работал во Флоренции? — спросила я.

— Писал музыку для модных показов, — спокойно отозвался Шон.

— Ты — музыкант? — удивилась я.

— И художник. И пою немного, — он оскалился, но это больше не выглядело агрессивно или отталкивающе. Он словно… стебал сам над собой. Ирландский воздух явно шёл ему на пользу.

— Ты талантлив, Шон, — улыбнулась я.

— Я в курсе, — не стал скромничать парень.

Теперь понятно, отчего Бека так его ревновала…

— Ваша мама рассказала мне про Иту… Мне очень жаль, — негромко сказала я.

— Скажи это Киану. А лучше — вообще ничего не говори, — как-то до странного холодно закончил он.

— Почему нельзя было сказать сразу? — просто спросила я, — Зачем нужны были эти секреты и недомолвки?

— А ты бы вот так сразу согласилась участвовать в воскрешении чужой жены? — Шон поднял бровь, глядя на меня не без сарказма.

— Согласна, всё вовремя, — хмыкнула я, затем помолчала, — Шон, почему ты беспокоился за Беку там, у самолёта? Этот ритуал может как-то повлиять на неё?

— За Беку? — Шон нахмурился, глядя мне в глаза, — Ты думаешь, я беспокоился о ней?

— А разве нет? Ты сравнил ваши отношения с браком Иты и Киана… — с лёгкой неловкостью напомнила я, — и просил, чтобы с ней ничего не произошло.

— Я беспокоился о тебе, — спокойно сказал Шон.

Я замолкла.

Обо мне?..

— Бека тоже имеет древнюю кровь, но она наплевала на устав

семьи, уехала жить в Европу и сделала карьеру супермодели наперекор воле отца. Она смогла сама устроить свою жизнь и хотела, чтобы я поступил также.

— Ну, ты тоже там неплохо устроился. И тем не менее, ты поехал с братом, — заметила я, ожидая от него ответа на давно мучивший меня вопрос, — Почему ты согласился?

— Из-за тебя, — просто ответил Шон, глядя мне прямо в глаза.

А у меня внутри всё свернулось в узел…

— Из-за меня? — вмиг ослабевшим голосом переспросила я, всерьёз переживая, что бабочки в моём животе — живые и вот-вот выберутся наружу…

— Ты смешная, — абсолютно серьёзно сказал Шон, — И чаще всего раздражаешь меня. Но мне понравилось просыпаться с тобой.

— Я заметила, — выдохнула я.

Почему он так честен со мной? Я знала, что он ещё не переболел Бекой, но так же чувствовала, что в его словах нет лжи.

— Не соглашайся, — неожиданно попросил Шон…

Скитания по земле О'Брайенов привели к тому, что я накрутила себя до предела! Нет, мои глаза и душу безумно радовали зелёные просторы, старые величественные деревья, валуны, разбросанные по полю в порядке, известном только Богу… Но мой мозг никак не мог успокоиться, цепляясь за обрывки разных фраз, произнесённых матерью Киана и самим ирландцем… Что то мешало мне расслабиться и просто ждать вечера (о еде я даже думать не могла, хоть и понимала, что посетить обед придётся хотя бы из вежливости). И странно, что меня до сих пор не познакомили ни с одним представителем моей «семьи». Я была не глупа и понимала, что у предыдущей Банши должны были остаться какие то родственники. И, если рассуждать логически, они приходились родственниками и мне — пусть это была и седьмая вода на киселе.

Тем не менее, про них не было сказано ни слова.

Неужели и впрямь весь род вымер?..

Мама сказала, что ты стала переходить на ирландский, раздался за спиной голос Шона.

Я развернулась и посмотрела на него. В простом удобном свитере, потёртых джинсах, тяжелых кожаных ботинках… он был великолепен. Он был просто создан для этой земли. Его зелёные глаза светились силой и жизнью, а на лице больше не было того лениво высокомерного выражения, которое я так часто видела в Италии.

— Кем ты работал во Флоренции? — спросила я.

— Писал музыку для модных показов, — спокойно отозвался Шон.

— Ты музыкант? — удивилась я. И художник. И пою немного, он оскалился, но это больше не выглядело агрессивно или отталкивающе. Он словно… стебал сам над собой. Ирландский воздух явно шёл ему на пользу.

— Ты талантлив, Шон, — улыбнулась я.

— Я в курсе, — не стал скромничать парень.

Теперь понятно, отчего Бека так его ревновала…

— Ваша мама рассказала мне про Иту… Мне очень жаль, — негромко сказала я.

— Скажи это Киану. А лучше — вообще ничего не говори, — катко до странного холодно закончил он.

— Почему нельзя было сказать сразу? — просто спросила я, Зачем нужны были эти секреты и недомолвки?

— А ты бы вот так сразу согласилась участвовать в воскрешении чужой жены? — Шон поднял бровь, глядя на меня не без сарказма.

— Согласна, всё вовремя, — хмыкнула я, затем помолчала, Шон, — почему ты беспокоился за Беку там, у самолёта? Этот ритуал может катко повлиять на неё?

— За Беку? — Шон нахмурился, глядя мне в глаза, — Ты думаешь, я беспокоился о ней?

— А разве нет? Ты сравнил ваши отношения с браком Иты и Киана… с лёгкой неловкостью напомнила я, и просил, чтобы с ней ничего не произошло.

— Я беспокоился о тебе, — спокойно сказал Шон.

Я замолкла.

— Обо мне?..

— Бека тоже имеет древнюю кровь, но она наплевала на устав семьи, уехала жить в Европу и сделала карьеру супермодели наперекор воле отца. Она смогла сама устроить свою жизнь и хотела, чтобы я поступил также.

— Ну, ты тоже там неплохо устроился. И тем не менее, ты поехал с братом, заметила я, ожидая от него ответа на давно мучивший меня вопрос, Почему ты согласился?

— Из за тебя, — просто ответил Шон, глядя мне прямо в глаза.

А у меня внутри всё свернулось в узел…

— Из за меня? — вмиг ослабевшим голосом переспросила я, всерьёз переживая, что бабочки в моём животе живые и вот вот выберутся наружу…

— Ты смешная, абсолютно серьёзно сказал Шон, И чаще всего раздражаешь меня. Но мне понравилось просыпаться с тобой.

— Я заметила, — выдохнула я.

— Почему он так честен со мной? Я знала, что он ещё не переболел Бекой, но так же чувствовала, что в его словах нет лжи.

Не соглашайся, неожиданно попросил Шон.

Что? — растерялась я, — На что?

— Киан предложит тебе… он не сможет не предложить… — Шон сжал челюсть и посмотрел в сторону, словно успокаивая сам себя.

— Предложить… что? — медленно переспросила я.

— Тело Иты уже давно разложилось — так долго его не смогла бы сохранить ни одна техника.

— Ты нужна Киану совсем не для призыва Бога Смерти! Он хочет переселить душу Иты в твоё тело!

— Что?!

— Послушай меня, — Шон схватил меня за плечи, вглядываясь в мои глаза с каким то диким, непривычным выражением на лице, — Твоё тело станет идеальным сосудом для её души. По внешности ты ему приглянулась — я это сразу заметил, но ты не должна соглашаться, что бы он тебе не предлагал!

— Я никогда не соглашусь отдать своё тело! — в ужасе прошептала я…… когда все кусочки мозаики, наконец, сошлись в моей голове: и слова Аноры о том, что я стану частой гостьей в их доме, и убеждения Киана, что я никогда не буду ни в чём нуждаться…

Открытием стало лишь то, что у меня спросят разрешение на «аренду тела». Вряд ли Киан планировал «спрашивать»… А потом я вспомнила его обещание Шону, и картина полностью сложилась…

— Вот чёрт!

— То, что будет предлагать Киан… начал Шон.

— Я никогда не соглашусь ни на какие условия твоего брата, — твёрдо сказала я, уверенно посмотрев ему в глаза.

— Почему ты так думаешь? — с какой то грустной усмешкой спросил Шон.

— Да потому, блин!

Я решила не ругаться вслух, а просто показать на деле: я притянула Шона за ворот свитера, встала на носочки и поцеловала. Поцеловала так, как не целовала ни одного мужчину!

Я вложила в поцелуй всю свою тоску именно по Нему.

— Шон был идеалом для меня. Рядом с ним я сама хотела быть лучше. И я выразила всё это через поцелуй, надеясь, что он поймёт…

— Тая… — прошептал Шон, отрываясь от моих губ… Тая! —

позвал он чуть громче, ТАЯ!

Я открыла глаза, обнаруживая себя на стоге сена рядом с конюшней… Шон стоял передо мной, в своих обычных джинсах и чёрной кожаной куртке… никаких свитеров аля «ирландская деревня» и никаких ботинок для грязной работы…

Я протёрла лицо рукой и нахмурилась.

— Господи, и причём тут вообще деревенский свитер?! Я что, в своём собственном сне не могла раздеть его по пояс?..

— Мама зовёт на обед, — сказал Шон, с любопытством разглядывая картину «Банши лежит на сене».

Интересно, он нарисовал бы её маслом?.. Стоп…

Он же только во сне писал музыку, рисовал и немножко пел…

— Шон, что ты делал в Италии? — напрямую спросила я.

— У меня годовой контракт с звукозаписывающей студией, — спокойно ответил тот.

— Ты пишешь музыку для показов? — с гулко бьющимся сердцем спросила я.

— Что? — Шон нахмурился, а потом усмехнулся, Упаси Боже. У меня своя Рокгруппа.

Отлегло…

— У него своя Рок группа?!?

— Ох, как я понимаю Беку…

— Шон, отведи меня к телу Иты, — глядя ему в глаза, попросила я.

«Попросила», конечно, громко сказано. Скорее — отдала приказ.

— Мать рассказала, — не задавая лишних вопросов, кивнул Шон.

— Это было естественно, — просто ответила я.

Через пять минут я стояла в подвале замка перед телом красивой темноволосой женщины… ни разу не разложившейся женщины…

Отлегло…

— Расскажи мне, отчего умерла Ита, — попросила о том, о чём уже давно должна была попросить.

— Они перерывали все старые архивы, перечитывали письма прапрапрадедов… наткнулись на чтото… Шон покачал головой, не отрывая глаз от женщины, лежащей на алтаре (на настоящем, мать его, алтаре), Ита случайно активировала какое то проклятье, которым был запечатан тот конверт… Это была глупая смерть. Смерть от незнания.

— Глупых смертей не бывает.

— Что они искали? — без эмоций спросила я, так же, как и он, разглядывая тело Иты… Кстати очень миловидной женщины

лет тридцати… с добрым лицом, крупными глазами и губами. При широкой кости, она имела достаточно тонкую талию (что было видно благодаря платью) и очень изящные запястья… Её руки были ухожены и явно никогда не знали тяжести лопаты.

— Мои тоже не знали — но я и не росла в деревне. Да простят меня все местные жители! Но в данный момент мы находились ни разу не в центре Дублина, а в самом настоящем, что ни на есть посёлке. Хоть я и понятия не имела — есть ли в Ирландии такое понятие, как «посёлок».

— Должно быть, есть.

— Причину, по которой наши прапрадеды отказались от древних знаний, — ответил Шон.

— Как ты думаешь, он нашел эту причину? — напоследок спросила я.

— Думаю, он нашёл всё, что ему нужно, — холодно произнёс он.

— Пошли, — я развернулась и поднялась по лестнице наверх, а затем вновь вышла на свежий воздух.

Дело шло к вечеру, и воздух становился всё прохладнее: я закуталась в шерстяную шаль, одолженную из шкафа Аноры и прищурила глаза, глядя на зелёный горизонт. В этот момент ветер растрепал мои волосы и напомнил, что каждое дело имеет свой час.

Я развернулась к Шону.

— Скажи, что случилось с предыдущей Банши.

— Киан убил её, как только понял, что Иту не вернуть.

У меня внутри всё похолодело. Так вот отчего он хотел защитить меня… от рук собственного брата…

— К Ите приходила Банши? — сквозь зубы процедила я.

— Повидимому, да. Но это её не остановило, глядя мне в глаза, сказал младший О'Брайен.

— Ну, да. Я бы тоже не стала останавливать свои поиски, когда смерть уже предвещена.

— Шон, отведи меня к столу, — в последний раз посмотрев на спокойный горизонт, попросила я.

— Что ты задумала? — он неожиданно оказался рядом со мной и резко поднял моё лицо за подбородок. Нет, это не сладкий сон. Это суровая реальность.

— Я даю тебе возможность сделать правильный выбор, — глядя ему в глаза спокойно сказала я, — В тот раз ты предпочёл просто уехать в другую страну. Закрыть глаза на то, что совершил твой брат.

На этих словах Шон прищурился, с явным недовольством разглядывая моё лицо:

— Ирландский воздух явно идёт тебе на пользу, с какой то не то горечью, не то злостью, сказал он. Вся их семья, все они… все они молчали! Представитель их рода совершил ужаснейшее преступление! Он не только преступил закон этой страны, он преступил закон всех древних семей: Банши неприкосновенны на ирландской земле! Это шептал мне ветер, об этом кричали деревья, об этом плакала трава под моими ногами. Связи и деньги помогли Киану выйти сухим из воды, и я бы простила их семью, реши он воскресить убитую им Банши. Но Киан захотел вернуть жену, закрыв глаза на содеянное им…

Я прикрыла глаза и попросила ветер предупредить мою семью о том, что Банши прибыла в Ирландию и находится на званом обеде в доме Аноры О'Брайен. Я чувствовала, как за моей спиной рвётся пространство, прокладывая путь тому, кого в этом доме так жаждали видеть… Но ещё рано.

— Ещё рано.

Это было странно, чувствовать свою силу, но стоило мне узнать правду, как кровь сама начала вести меня. Кровь, кипящая жаждой справедливости.

Я подняла взгляд на Шона и тот молча подал мне руку. В этот момент он не был мне ни другом, ни врагом.

— Чуть позже — возможно… но сейчас он просто вёл меня туда, где меня ждали.

Гостиная в замке семьи О'Брайен могла соперничать по роскоши с дворцовыми залами местных королей… Стоило мне переступить порог, как Киан поднялся из за стола, приветствуя меня с довольным и предвкушающим взглядом. Рядом с ним сидели незнакомые мне мужчины — должно быть, тоже — потомки древнего рода… Анора сидела во главе, но её взгляд, в отличие от взгляда старшего сына, выдавал беспокойство и… ожидание неизбежного…

— Она была мудрой женщиной.

— Здравствуйте, члены семьи О'Брайен, — поздоровалась я.

— Зачем так официально, Тая, — усмехнулся Киан, присаживайся за стол.

— Благодарю за приглашение, но я никогда не сяду за стол убийц Бошенты.

В одно мгновение в гостиной установилась гробовая тишина. Киан побледнел и перевёл взбешённый взгляд на Шона:

— Ты рассказал ей?!

— Она узнала бы об этом до или после, — спокойно ответил младший из О'Брайенов, которому отчего то доставляло удовольствие наблюдать за тем, как изменяется лицо Киана… Да, теперь это уже был не обаятельный ирландец… Теперь передо

мной сидел убийца. Убийца, не желающий раскаиваться в своих грехах. Убийца, не считающий, что на нём вообще есть грех… Анора мечтала о невозможном. Прежнего Киана не вернуть. И, кажется, я успела слегка познакомиться с тем Кианом, которого она знала всю жизнь — ведь ради меня ему пришлось надеть на себя маску Себя Прежнего… Вот только родная мать видела, кто скрывается под видом добродушного, радеющего за свою семью любящего мужа…

— Ты позовёшь Бога Смерти, — Киан отшвырнул салфетку на тарелку и вышел из за стола, глядя на меня с угрозой, и ты примешь участие в ритуале. — Ты и все в твоём роду рождены для того, чтобы служить нам!

Киан, Шон сделал первый шаг вперёд, отодвигая меня за свою спину, но мне не нужна была защита…

Я откинула его со своего пути, открыла рот и закричала!

Этот крик не был похож ни на один из предыдущих. Он разрывал перепонки, разбивал стёкла вдребезги и сотрясал саму землю до основания!

Когда я увидела, что из ушей мужчин, попадавших на колени вокруг стола, полного еды и напитков, потекла кровь я внутренне удовлетворилась и закрыла рот. Кусок стекла, каким то чудом задержавшийся в оконной раме после моего крика, с громким треском разбился о пол. Анора, бледная, как смерть, первой поднялась на ноги, вытирая кровь с лица белоснежной салфеткой, вмиг окрасившейся в багряные тона… Киан, пошатываясь, поднялся на колени, и, одной рукой упираясь в пол, а другой — держась за спинку стула, кое как выпрямился на ногах.

— Никакого ритуала не будет, — во всеуслышание заявила я, — Твоя жена лишилась жизни, потому что ты полез туда, куда тебе лезть не следовало.

— Не тебе решать, куда мне следует лезть, а куда не следует, — хрипло ответил Киан, делая шаг ко мне, — Мы более не будем нуждаться в услугах Банши. Шон!

Я обернулась на младшего из О'Брайенов, но тот стоял у стены и молча качал головой.

— Я не буду этого делать, — наконец, сказал он, уверенно глядя на своего брата.

— Мы будем бессмертны! — словно змей искуситель, произнёс Киан, Мы возродим семью! Разве ты не этого хочешь?!

И каким образом, интересно, он получит бессмертие, после того, как меня повяжет его брат?

Сам то он дотронуться до меня не может — дал обещание, как никак.

— Поэтому Бека и уехала в Италию. И поэтому я каждый раз

уезжал вслед за ней… — Шон вновь покачал головой, — Нам надоела ваша неугомонная жажда власти, силы, бессмертия. Тебе, и Донавану мало того, что предки спрятали всю информацию под семью замками и выгнали Банши с родной земли?

— О чём ты говоришь, сын? — выдохнула Анора.

— Как давно ты понял? — напряжённо спросил Киан.

— Только что, когда показывал Бошенте тело твоей мёртвой жены, — спокойно ответил Шон, — Ведь ты вовсе не Иту собрался воскрешать. Ты захотел пленить и подчинить себе Бога Смерти.

— Что?! — почти прошептала Анора.

— Мы с ней мечтали об этом. Много лет, — процедил Киан, с затаённой злобой глядя на своего младшего брата, — Как только я бы получил власть над Богом Смерти, я бы вернул её к жизни.

— Сын, ты с ума сошёл? — на глазах Аноры появились слёзы, затем она неожиданно развернулась ко мне, Триса, прошу тебя, прости его! Он сам не ведает, что творит! Он убил Бошенту в приступе отчаяния — я видела, что творилось с ним, когда Иты не стало… он не хотел этого…

— Так вот чего желает твоя душа? — с недоброй улыбкой спросила я, переведя взгляд на Киана, затем посмотрела на сидящих на полу мужчин — таких же глав древних родов, как и Киан — теперь я это понимала, Чего желают ваши души… Что ж, раз вы этого хотите, я просто обязана вам это дать…

Я не могу описать словами, что я чувствовала в тот момент… Я впервые в жизни присутствовала там, где появлялся Бог Смерти… Я знала, что он придёт — потому что я хотела, чтобы он пришёл! Здесь не было душ, готовых уйти к создателю, но и я нынче не была Жницей. Я была проводником той силы, которую эти глупые смертные захотели подчинить. Нет предела людской жадности… Как нет предела людской глупости… Границы миров с треском и странным, несуществующем на нашей земле, звуком, раскрылись, являя обитателям гостиной Моего Хозяина! Я не рискнула обернуться, зная, что за моей спиной в этот мир входит Он, но я видела, как мужчины на полу седеют, не в силах вынести того, что предстало их глазам…

— Тая… — голос Шона вывел меня из странного состояния ступора, когда я ничего не ощущала и лишь смотрела на простых смертных пустым отрешённым взглядом…

В его голосе я услышала просьбу… И я закрыла проход, скрывая древнейшее из всех существ от глаз тех, кто осмелился возжелать его силы… А затем развернулась к Шону.

Он сидел на полу, с болью глядя на тех, что когда то возглавляли древние семьи. Теперь это были напуганные до смерти старцы с седыми головами и полубезумными глазами…

Так вот почему предки Шона когда то решили скрыть свои знания от потомков. Должно быть, в своё время они тоже вознамерились покорить Бога Смерти… Какой глупый порочный круг…

Не знаю почему, но волосы Шона остались чёрными, а взгляд зелёных глаз — спокойным.

— Я закрыл глаза, — сказал младший О'Брайен.

— Правильно сделал, — ответила я.

Даже я не рисковала взглянуть на Бога Смерти, хотя, уверена, со мной бы ничего не случилось… ничего хуже, чем случилось тогда, когда проснулась моя кровь.

Я в последний раз оглядела гостиную, полную седых голов, и молча покинула замок одной из древнейших семей Ирландии. Холодный ветер заставил меня потеплее укутаться в шаль, а десяток незнакомых людей за воротами — улыбнуться и спокойно выдохнуть. Это моя семья. Ни новая, ни старая — единственная. Когда перевезу в Ирландию мать, будет весь набор. Я оправила платье и уверенно направилась к тем, в чьих жилах тоже текла кровь Банши.

— Тая… — голос Шона заставил меня остановиться и обернуться к нему.

— Триса, — поправила я. — Таю в России нашёл Киан; он привёз её в Италию, а затем посадил на самолет до Ирландии. Но на родной земле я переродилась. Переродилась в Трису, дав своей крови окончательно взять верх; я не знаю, как предыдущая Бошента позволила застать себя врасплох — со мной этого не произойдёт. Меня будет оберегать сама природа — теперь я чувствовала это. Как чувствовала, что Шон не желает мне зла. — Ты мог сказать мне о том, что знал, почему предыдущую Банши согнали с родных земель, заметила я. Ты могла предупредить, что собираешься лишить силы все древние семьи, заметил Шон. Пусть одна и смогла прижиться в чужих краях много лет назад, но кровь всё равно продолжала просыпаться на родной земле — до тех самых пор, пока потомков почти не осталось; я видела — за воротами в основном стояли старики… и от этого на сердце становилось грустно. То же самое произошло с древней кровью — пусть предки и скрыли древние знания, лишив себя и своих потомков силы, всё равно продолжают появляться те, кто хочет эту силу найти. Мы должны сделать так, чтобы сама идея возрождения былого величия канула в Лету, — сказала я, посмотрев на Шона.

— Это невозможно, ты сама знаешь, — ответил он.

— Тогда я буду следить за вашими семьями — следить до конца своей жизни, как потом будут следить мои дети и дети

моих детей, не отрывая от него глаз, сказала я.

С-леди. Быть может, в этом и есть твоё предназначение, — спокойно ответил он.

Я вновь развернулась в сторону ворот, намереваясь встретиться со своей роднёй.

— Триса.

Я замерла, а затем повернулась к нему и очень серьёзно сказала:

— Ты сможешь прийти ко мне, когда искупишь долг своей семьи. Когда будет смыта кровь с имени вашего рода. Когда за деяние будет понесено наказание. Тогда ты сможешь прийти ко мне.

Шон некоторое время смотрел на меня, а затем катко печально улыбнулся краешком губ.

— На это могут потребоваться годы.

— Я буду ждать, — сказала я. Может, резче, чем нужно.

Шон вновь замолчал, напряжённо глядя в мои глаза, а потом резко подошёл и обнял моё лицо ладонями:

— Чтоб знала, чего ждать.

И он накрыл мои губы своими губами, целуя нежно словно прощаясь на долгое время…

Вот ведь чёрт, понесло меня со всеми этими эмоциями! Я запустила обе руки в его волосы и углубила поцелуй настолько, что самой стало жарко. Чтоб он знал, что стоит поторопиться — дети сами по себе не появляются.

А потом отстранилась — сама, первая. Отошла на шаг. Развернулась и пошла в сторону ворот. На глазах сами собой появились слёзы, но я быстро вытерла их краешком шали. Я должна быть сильной. Я не должна раскисать, останавливаться, разворачиваться и возвращаться к нему! Он должен исправить то, на что закрыл глаза. Бошента должна быть похоронена со всеми почестями: я понятия не имею, где её закопали, но раз дело не предалось огласке, значит и суда не было… Он должен всё исправить. Он должен стать идеальным для меня — а другой мне не нужен. Не знаю, правдиво ли предание, и суждено ли нам быть вместе?.. Если нужно будет — придёт. В конечном итоге, всё решают сами люди. А до тех пор, пока он не придёт ко мне, я буду просить сил у природы. Я знаю — она даст. Потому что тот, кто просит с чистой душой — всегда получит. А если и этого не хватит — поддержит родня. Вон их сколько, таких милых, добрых, с большими глазами и сильными руками. Помогут и кров дадут. А может, и лопату в руки всучат. Ещё не решила, буду ли пользоваться деньгами семей… Всё же я — меркантильная… А, черт! Ветер говорит — даже не думай… Травка тоже там чтото

щебечет. Ладно, дом предыдущей Бошенты, так дом предыдущей Бошенты! Раскаркались тут! Попросила помощи на свою беду…

А Шон… Я на мгновение остановилась и обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на замок семьи О'Брайен. Шон знает, что нужно делать. Он теперь будет главным ему и за всю семью решать. Я же буду выполнять свои обязанности и ждать… если этот засранец умотает к своей Беке по старой памяти, я его седым без всякого Бога Смерти сделаю!.. Я ещё сильнее закуталась в шаль и улыбнулась седой старушке, глядевшей на меня во все глаза.

— Худая то какая! Как тростинка!

Ну, начинается…